

ДИС КЕЙН

ПОВЕЛИТЕЛЬ
УДАЧИ

Дис Кейн

Повелитель удачи

<https://litres.ru/74623432>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга состоит из двух частей, которым предшествует статья о литературе — она поможет глубже понять историю, но может быть полезна и сама по себе.

В первой части в небольшой провинциальный городок попадает человек, наделённый невероятной удачей. Он не осознаёт своего дара и не желает никому вреда. Однако его появление не проходит незамеченным. Некоторые жители не готовы к тому, что рядом оказался кто-то с такой способностью, и их действия — продиктованные жадностью, страхом или амбициями — кардинально меняют жизнь всего города.

Во второй части в городе зарождается культ. Люди, желающие получить дар удачи, стекаются на собрания, и каждый приходит по своим причинам. Ситуация быстро выходит из-под контроля. Мэр оказывается бессилён что-либо предпринять, а местная гильдия магов лишь наблюдает за происходящим, считая его отличным экспериментом.

Содержание

Глава	4
Статья о литературе или "что хотел сказать автор"	4
Часть 1 "В тихом городе..." Глава 1	43
Глава 2	58
Глава 3	69
Глава 4	82
Глава 5	100
Глава 6	110
Глава 7	119
Глава 8	127
Глава 9	137
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Повелитель удачи

Глава

Статья о литературе или "что хотел сказать автор"

Зачем читать художественную литературу

Возможно, вы задаётесь вопросом: зачем вообще читать художественную литературу? И я рад, что вы задаётесь этим вопросом, ведь у каждого действия должна быть причина.

Вам интересно, стоит ли тратить на книги своё время, и я написал данное предисловие, чтобы ответить на этот вопрос. Однако я не собираюсь нахваливать художественную литературу как таковую. Вместо этого я хочу поговорить о том, зачем люди вообще читают книги. Готов поспорить, вы не часто видели рассуждения на такую тему. А знаете почему? Думаю, потому что большинство авторов, которые попытаются объяснить, зачем кому-то читать их книгу, быстро упрутся в очень неудобные для себя вопросы, на которые им не захочется отвечать.

Представьте стандартный диалог. Автор говорит: «Я придумал персонажей, которым легко сопереживать». Читатель

отвечает: «Зачем мне сопереживать выдумке? В этом нет никакого смысла». Что, если читатель не склонен сопереживать вымышленным людям, неужели ему закрыт путь в художественную литературу? А если он сопереживает, неужели он читает книги лишь для того, чтобы узнать, всё ли хорошо закончится для героя? При том, что автор без проблем может организовать для своих персонажей любой исход, какой захочет.

Автор хвастается: «Я придумал непредсказуемый сюжет!» На что читатель может ответить: «А что, если я его и не пытался предсказывать? Я совершенно не думаю о том, что там дальше. Раз у меня нет предположений, то и удивить меня невозможно».

Подобный диалог может продолжаться долго, но его суть сводится к одному: многие книги работают только в том случае, если читатель действует не совсем логично. Если он добровольно принимает «правила игры» современной литературы. Вот тебе жанр, например, триллер. Значит, ты, читатель, будь добр: пугайся, когда тебя пугают. Вот комедия — смейся, когда тебя смешат. Вот история о далёком будущем — сделай вид, что она действительно имеет отношение к будущему, которого мы в любом случае не застанем. От читателя постоянно требуется отказаться от повседневной логики и принять логику книжную.

Поэтому многие люди сейчас не читают книг: они просто не хотят отказываться от своего здравого смысла ради иллю-

зий. И даже если они его отключат, что они получают? Развлечение, и не более того. Узнают, что где-то якобы есть магическая школа, в которую можно попасть, разбежавшись в стену. Это развлечение. А точнее — отвлечение читателя от его дел и проблем.

Но что, если читатель не хочет использовать книгу как способ забыть о проблемах? Ведь это совершенно логично: о проблемах не нужно забывать, их нужно решать. Если всё время глушить их книгами, читатель создаст себе альтернативный мир, в который ему придётся убегать снова и снова. Причём совсем не обязательно это будут книги: куда проще убегать от реальности, листая соцсети или смотря видео на YouTube.

Однако нам с детства твердят, что чтение полезно. Неужели это маркетинговый ход, или художественная литература всё-таки может приносить пользу? Если так, то книги делятся на два типа: одни отвлекают читателя от его проблем, а другие помогают их решить.

Было бы замечательно, если бы автор не просто развлекал, но и предлагал варианты решения проблем, или хотя бы помогал их обнаружить. Но как это возможно? Как автор может узнать о проблемах читателя, если он его в глаза не видел? К тому же, автор не психолог. Он же не собирается вставлять в роман инструкцию по починке автомобиля или пособие по выживанию в лесу без ножа и спичек. Бывают, конечно, и такие попытки сделать книгу «полезной», но каков шанс, что

читателю это пригодится? А если он собрался в лес, не проще ли ему взять нормальное пособие, где эта тема объяснена куда лучше, чем в художественном вымысле?

Однако способ сделать текст полезным всё же есть. И это не какой-то новый приём, а наоборот, весьма старый. Его практиковала ещё русская классическая литература (и он практикуется современными авторами по всему миру, но таких авторов, увы, немного).

Два стиля литературы

В противоположность русской классике я поставлю всю остальную литературу и назову её «западным стилем». Этот стиль почти полностью построен на отвлечении читателя от проблем. И что занятно: как только в «западный» текст попадает хотя бы крупица «русского классического» стиля, ориентированного на выявление и решение проблем читателя, этот текст сразу же признают бессмертной классикой.

Что же такое «русский классический» стиль и «западный» стиль в моём понимании? Произведение точно не попадает в какую-то из этих категорий автоматически по месту жительства написавшего его автора, увы, чтобы понять, к какому стилю относится текст, его всё же придётся прочесть. Текст, написанный жителем запада, может вполне быть написан в русском классическом стиле, как, например, рассказ Анри Труайя «Зелёный блокнот» (да и все его рассказы, которые я читал). А какое-то произведение русского классика вполне можно отнести к «западному стилю». Названия такие я вы-

брал потому, что многие, но не все произведения, написанные русскими классиками, относятся к условному «русскому классическому» стилю, а большинство известных западных произведений относятся к другому стилю, его я назвал «западным».

Добавлю также, что эти стили не привязаны к какому-то одному формату. Им не обязательно проявляться в книгах — они видны и в фильмах, и в сериалах, и в комиксах, и в видеоиграх, даже в песнях. История о человеке в любом случае будет либо про долгосрочные отношения, либо про разовое действие. Формат — лишь оболочка, суть остаётся прежней.

Особенности западного стиля

Краткий ответ: «Западный стиль» — это про эффективность предметов и информации и про разовое действие, которое позволяет персонажам жить долго и счастливо, ака победа над антагонистом. Победил неприятеля, выявил убийцу — всё, молодец, проблем более у тебя нет до конца жизни, таков посыл западного стиля.

Западный стиль можно назвать разговором об объективной эффективности вещей и персонажей, то есть о такой эффективности, с которой все согласны. Все в «Острове сокровищ» согласны с тем, что золото ценно и его нужно преследовать, никто не сказал: «Ну его, это золото, обойдусь и без него». Такой западный читатель, натренированный историей про эффективность разового действия, не понял бы. Во

главе угла этого стиля — поиск объективной выгоды и уничтожение объективных проблем.

Большинство историй, которые мы привыкли читать, строятся вокруг главного антагониста. Герой знает, куда идти и с кем сражаться. Если путь долог, перед нами история о дороге, вероятно, приключения. Если врага нужно вычислить, мы получаем детектив. Победа над таким врагом обычно решает все проблемы разом.

Мы уже разобрали, как «западный стиль» построен на отвлечении. Если нужны примеры, возьмём истории о Шерлоке Холмсе. Я сомневаюсь, что хоть один человек, прочитав их, сам стал великим сыщиком и обучился той дедукции, которую показывает Холмс. Это всё-таки развлекающая литература. Однако в ней был полезный для того времени посыл: полиции не следует целиком полагаться на репутацию и внешний вид граждан, нужно работать с фактами.

Замечательно, но сегодня это уже всем известно. Западный стиль обожает темы предательства, лжи, раскрытия интриг, потому что можно бесконечно говорить об эффективности выдуманных предметов. Вы думали, что какое-то пятно грязи ничем не примечательно? А вот и нет, оно помогает раскрыть убийство. Это выдуманное пятно и выдуманное убийство, читатель не может сделать для себя полезных выводов о своих социальных связях, но это неважно, ведь читателя удалось удивить на две секунды.

Чтобы получить новую историю в этом стиле, достаточ-

но подставить новые вещи — или назначить нового антагониста. В том, чтобы назначить персонажа злодеем, нет ничего сложного. «Вот ты теперь злодей, вы с главным героем друг друга не любите. Поначалу ты сильный или умеешь скрываться, а в конце герой соберёт достаточно эффективных предметов, навыков, союзников, преодолеет расстояние, которое вас разделяет, или соберёт достаточно информации, чтобы тебя раскрыть, — и победит». Как видите, в такой формуле нет ничего сложного, она идеально подходит для конвейерного письма. Антагонист здесь — не живой человек с мотивацией, а стена, которую главному герою нужно один раз преодолеть, собрав полезные вещи, навыки или друзей с полезными вещами и навыками. При таком подходе не нужно придумывать сложные трения в идеологиях, нужно просто подставлять в формулу разные вещи. Вещевой сторителлинг.

Иногда персонаж ещё и избавляется от вредных привычек — перестаёт пить, употреблять наркотики. Кстати, такое не раз случалось с персонажами Стивена Кинга и вполне серьёзно выдаётся за рост героя. Об этом мы поговорим подробнее чуть ниже.

В некоторых случаях авторы западного стиля начинают писать про выдающиеся навыки и способности своих персонажей. С помощью этих навыков персонажи могут особенно эффективно обращаться с обычными вещами или же со своим телом. Так мы получаем невероятных фехтовальщиков,

боксёров, людей, под управлением которых машины забывают законы физики, и уже упомянутых супергероев, которые забывают про физику сами. Магия тоже относится к вещевому сторителлингу, ведь она, как правило, позволяет с помощью вещей эффективно управлять другими вещами, причём эффективность эта строго выдуманная. За всем этим, порой весьма занятно наблюдать, но всё же ничего из этого не приводит к развитию читателя, а лишь к его развлечению. И развлечение это быстро приедается — не существует ни одного франчайза в Голливуде, который бы не надоел рано или поздно зрителю. При этом франчайз, как «Гарри Поттер», или «Звёздные Войны», или Вселенная Марвел — это, по сути, набор этих самых эффективных вещей и навыков, которые зрителю показывают снова и снова, в разных новых комбинациях и под разными новыми углами, пока тому не надоест.

Особенности русского классического стиля

«Русский классический» стиль — про субъективные ценности, про неверные оценки при заключении отношений и про сами эти отношения — удачно заключённые отношения, а не разовое действие обеспечивают долговременное счастье.

Западный стиль говорит об объективной эффективности: золото ценно, все согласны. Русский классический стиль же про субъективные ценности — в нём золото запросто может быть не самым ценным для какого-то из персонажей, цен-

нее может оказаться идея, вера, принципы, дружба или ещё что-то. В этом стиле показаны проблемы отношений, когда субъективные оценки персонажей не были выяснены вовремя, что привело к проблемам.

Потому в русском классическом стиле никогда нет антагониста, он там попросту не нужен, он не раскрывает идею удачно или неудачно заключённых отношений. Кто главный антагонист в «Войне и мире»? Может, кто-то скажет «Наполеон» — и кто же из трёх основных персонажей набил ему рожу? Может, Болконский, Безухов или Наташа Ростова? Никто из этих персонажей не сыграл значимой роли в победе над Наполеоном. Кто главный антагонист в «Преступлении и наказании»? Сыщик, который делает свою работу?

Пытливый читатель может спросить, в чём же тогда цель и задача персонажей? А задача у них ровно та же, что и у любого из нас. Создать эффективные отношения, избавиться от неэффективных, чтобы дожить до старости в максимальном комфорте и душевном спокойствии. Чтобы ощутить полноту жизни и понять, что ничего важного не было упущено.

Но можно сказать и точнее. Цель персонажа — создать стабильные работающие отношения или понять, что это для него невозможно, и полностью отказаться от таких попыток. Как только этот момент наступает, история завершается. И персонажи либо живут долго и счастливо, либо нет. Всё зависит от их умения заключать удачные отношения, способные защитить их от безликой проблемы.

Но не отсутствие антагониста главное в русском классическом стиле, а фокус на реальной жизни читателя. Читатель так или иначе общается с другими людьми, он не встречается с предателями, не расследует убийства, не плавает на островах за сокровищами и не ездит за подвесками в другую страну. И именно про ошибки в общении с другими людьми, не про обман, а именно про ошибки и пишет русская классика.

Так же в русском классическом стиле не рассматриваются проблемы предательства или лжи, потому что, что тут рассматривать? Все и так знают, что есть ложь, предательство, преступления. Художественная литература неспособна выявлять обманщиков, и русские классики этим никогда не занимались. Если вы считаете, что вас обманут, заключение контракта — лучшая защита. Всякие виды обмана и распутывание интриг — это как раз любимая тема «западной» литературы. Но, как я уже говорил, когда речь заходит об обмане, литература переходит из разряда поучительной в развлекательную. Книга не может научить распознавать лжецов, но с удовольствием притворяется, что может (так и выходят многочисленные истории про великих сыщиков с трубками и усами).

При таком подходе некий главный антагонист-злодей вообще не нужен. Нужны сильные внешние обстоятельства, которые накажут персонажа за неверный выбор или отступят в случае верного. А польза для читателя будет как раз в том, что автор рассмотрит разные принципы выбора, разные при-

оритеты, и то, как один человек может неожиданно повлиять на другого — причём без всякого злого умысла или обмана.

Дрессированный читатель

Читали «Одноэтажную Америку» Ильфа и Петрова? Там есть замечательное наблюдение — у американцев предложение формирует спрос, а не наоборот. Если кто-то научился задёшево производить жевательную резинку, он заставит всех её жевать, искусственно создаст спрос.

Западный стиль — это стиль конвейера. В нём постоянно муssiруются идеи эффективности вещей: та вещь неожиданно эффективна, а та неожиданно неэффективна. Просто подставляй разные вещи и будешь получать разные произведения. Персонажу нужно найти достаточно эффективных вещей, чтобы победить или вычислить антагониста, а уж победив злодея в драке или раскрыв личность убийцы, герой будет жить долго и счастливо. Закончились идеи, что ещё можно показать эффективным или неэффективным — не беда, на помощь придёт фантастика. И тут начинается вся эта супергероика — граждане в костюмах с суперсилами, с полезными поясами. Спайдермен, Мстители, Звёздные Войны, Гарри Поттер — это всё про то, что бесполезные вещи становятся полезными (пауки укусом дают сверхсилы, непробиваемые щиты, сыворотки суперсолдата, лазерные мечи и некая сила из воздуха, волшебные палочки и т.д.). Типичный западный стиль — покажи бесполезное как полезное.

Людей десятилетиями тренируют подобным стилем исто-

рии. Хотя, если задуматься, всё это выдумка, не имеющая отношения к тому, что происходит с читателем или зрителем. Но люди натренированы западными клише и задумываться они не собираются.

Русский классический стиль же теперь подавлен этой самой дрессировкой читателя и зрителя. Где в «Войне и мире» супергерои? Почему в рассказе «Дом с мезонином» все просто стоят и разговаривают? Люди не понимают, за чем следить, и им скучно. Они считают, что ничего не происходит.

За чем следить в русском стиле

За чем следить в «русском стиле», если не за эффективностью вещей и не за обманом?

В основе стиля — проблемы создания отношений. А точнее, персонаж видит в другом персонаже какие-то качества и на основе этой информации решает, какие отношения с ним создавать. Однако к увиденным качествам добавляются новые, не замеченные ранее, и это ставит ситуацию с ног на голову. По сути, это всё формула, однако позволяет создавать крайне разнообразные произведения. Тут важна не сама формула, а аргументация: что было замечено, что не было, почему, почему незамеченное всё переворачивает?

И вот что важно понять: в русской классике именно верный или неверный выбор отношений — это единственное, что по-настоящему меняет ситуацию, причём меняет быстро и кардинально. Отношения созданы или разорваны — и вскоре читатель видит сильный положительный или отрица-

тельный эффект. Ничто другое, кроме выбора отношений (который происходит в диалогах или размышлениях), по сути историю и не двигает. История в русском классическом стиле не продвинется из-за драки, погони или другого действия, которое проверяет эффективность чего-либо. Более того, автор в русском стиле обычно очень вольно манипулирует физическими объектами вокруг персонажей с единственной целью — чтобы история пришла к такому состоянию, в котором отношения решают всё.

Например, в «Преступлении и наказании» во время собственно преступления и после него происходит огромное количество разных случайностей, которые не позволяют Раскольникову или следователю победить только за счёт предметов, то есть улик. Когда у следователя нет зацепок, Раскольников удачно падает в обморок и оставляет кое-где косвенные улики. Когда Раскольникова прижали к стенке, случай приходит ему на помощь и позволяет спастись. В итоге размышлять, у кого больше улик и кто на чём физически провалился (как это постоянно происходит в западных детективах), в русском классическом стиле нет никакого смысла. Автор ставит перед собой задачу привести историю к такой форме, чтобы всё решали идеи и отношения, а не улики или кулаки. И мир истории будет манипулироваться автором для этого весьма свободно. И таким образом история о Раскольникове переходит от вопроса «у кого улик больше» к вопросам отношений Раскольникова с обществом, с сове-

стью и со всеми близкими.

Сейчас мы поговорим о ситуации, когда никто из участников не собирается обманывать другого. Именно здесь разность в ценностях и идеологиях, которая вскрылась не сразу, может создать людям огромные проблемы. И именно об этом писали русские классики.

Мало того, что у людей есть принципиально разные приоритеты в жизни (само по себе это не беда). Проблема наступает, когда люди с разными приоритетами вступают в отношения и узнают правду слишком поздно, когда эффект от этого союза отменить уже невозможно. Или наоборот: есть два человека с одинаковыми приоритетами, но один из них ошибочно думает, что они разные, и разрушает отношения. А потом выясняется, что приоритеты были одинаковыми, но «поезд ушёл». При этом довольно часто за плечами персонажей стоят целые идеологии и системы ценностей, которые определяют то, как они оценивают других и что выбирают для себя.

Давайте разберём несколько примеров.

Тот самый «Дом с мезонином». Если коротко — некий небогатый художник хорошо устроился и живёт в поместье с двумя сёстрами и их матерью. Младшая сестра ему нравится, а он нравится ей, есть хорошая перспектива жениться на ней и получить всё, что только возможно: и деньги, и любовь, и уважение.

Есть старшая сестра, с которой художник решает спорить

на разные темы. Он считает эти споры весьма безобидными и часто в них увлекается, забывая обо всём на свете. Предмет спора крайне чувствителен для старшей сестры, однажды эти споры её достают, и она убеждает мать и младшую сестру уехать от художника куда подальше, таким образом, он всё теряет. Вот и весь рассказ, мораль вполне ясна и жизненна — не надо во время спора забывать всё на свете. И вовсе не скучно, если понимать суть и не искать каких-то антагонистов и не высчитывать эффективность каких-то выдуманных предметов.

Ещё одно — «Муму». Когда я читал этот текст в школе, думал, что это о том, что не нужно топить собак в речках. Очевидно, произведение куда глубже, кстати, собака там вообще не появляется первую половину текста. Эту первую часть и разберём, как наиболее «скучную».

Произведение опять же про проблемы выстраивания отношений. Герасим — трудолюбивый работник, однако он глух и нем, что сразу негативно располагает к нему всех вокруг (проблема неверной оценки). Он пытается проявить внимание к местной работнице Татьяне, но та его боится. Барыня же выдаёт Татьяну за пьяницу сапожника, чтобы отучить его от алкоголя, но из этого ничего не выходит, и их отправляют в деревню.

Здесь Татьяна совершает две ошибки в отношениях: неверно оценивает Герасима, считая, что он создаст ей проблемы, что вряд ли бы произошло. Вторая ошибка — она

не возразила барыне, когда та решила выдать её за пьяницу сапожника, проявила излишнюю стоворчивость, что как раз создало ей много проблем.

Барыня ошиблась в том, что, выдав девицу за пьяницу, отучит того пить. Оказалось, что это так не работает, в итоге она потеряла и сапожника, и прачку.

В итоге мы видим, как три ошибки в отношениях привели к неутешительному итогу. И подобные ошибки люди совершают в отношениях и по сей день, а вот волшебных палочек и радиоактивных полезных пауков пока не видано. На этом я пока закончу с разборами.

Заученные правила и их побочные эффекты

При этом речь идёт не об абстрактных философских принципах, а о тех готовых, распространённых идеях, которые люди используют в повседневной жизни, даже не задумываясь. Мы все в той или иной степени опираемся на заученные правила: с кем стоит строить отношения, а с кем — нет; как правильно их организовывать, чтобы они были стабильными и приносили пользу; когда пора разорвать связь, а когда — сохранить. Эти идеи могут быть настолько привычными, что кажутся очевидными и универсальными.

Но именно в этой привычности кроется подвох. Любая, даже самая удачная и проверенная идея хороша лишь до тех пор, пока не встречается с ситуацией, для которой она не предназначена. И вот тогда правило, которое раньше помогало, начинает работать против человека — приводит к нежиз-

данным, иногда разрушительным последствиям. Автор, разбирая такие побочные эффекты самых ходовых представлений о выборе и построении отношений, может сказать читателю нечто действительно важное: это касается его жизни напрямую, потому что он сам или его близкие наверняка пользовались этими идеями, но при этом даёт новый взгляд на то, что казалось само собой разумеющимся. И для этого автору не нужно знать читателя лично — достаточно знать те всеобщие заблуждения, которые живут в головах у многих.

«Все просто о чем-то говорят» или проблемы литературного анализа

Много раз я слышал такую фразу от людей, когда они комментировали самые разные произведения. «Там просто все о чем-то говорят» — и каждый раз хочется спросить: «А о чём, собственно, говорили?» В «Двенадцати разгневанных мужчинах» тоже все о чем-то говорят, и это буквально 100% произведения, более того, там ещё и разговор происходит в одной комнате.

Моя задача в этой статье — дать читателю простой инструмент для анализа художественных текстов, чтобы читатель перестал считать классическую русскую литературу скучной и непонятной. А если читателю и так нравится Толстой и Достоевский, возможно, после этой статьи он заметит в их произведениях то, что пропустил ранее.

Ключевое слово тут «простой». Инструмент должен быть именно простым, потому что сложно держать в голове ком-

плексную литературную теорию и при этом следить за сюжетом.

Сейчас мы разберёмся, как анализировать диалоги и отделять те из них, в которых персонажи действительно просто «что-то говорят», от диалогов, которые составляют отличную историю. Разница между первыми и вторыми видами диалогов очень проста: диалог из отличной истории меняет статус-кво, продвигает сюжет.

Такую ситуацию можно как раз часто встретить в русской классической литературе: персонажи поговорили и сразу после окончания их диалога происходит эффективное действие, которое меняет ситуацию.

Назовём это эффективным диалогом. При этом не так важно, о чём был сам диалог, важно, что он спровоцировал изменение ситуации.

Например, в рассказе Чехова «Сирена» происходит следующее: некий судья садится в кабинете, чтобы писать важную бумагу, там же находится его приятель секретарь, и он начинает описывать различные кушанья и то, как по его мнению должен выглядеть идеальный обед. Почти весь рассказ состоит из описаний всяких осетров и уток. При этом у судьи проблемы с желудком, и ему все эти кушанья противопоказаны. Но после длительных и красочных описаний блюд судья бросает свою важную бумагу недописанной, забывает про болезнь желудка и с приятелем отправляется в ресторан. Почему диалог эффективен? Потому что он изменил ситу-

ацию: судья собирался делать одно, а в итоге всё бросил и пошёл делать совершенно другое. И мы из описания знаем, что после сытного обеда его ждут проблемы и по работе, и по здоровью.

Диалог может быть эффективным и кардинально менять ситуацию.

А действие при этом может быть неэффективным. Например, представим некий мир в духе Fallout: кругом разруха, радиация, мутанты, идёт человек, никого не трогает и встречает волка-мутанта, у них завязывается драка, где в ход идёт огнестрел, холодное оружие и приёмы кунг-фу. Волк повержен, и человек идёт дальше. Ситуация ничуть не поменялась, хотя вот он экшен, который длился три страницы. Это пример неэффективного действия, которое не изменило статус-кво.

Так вот, разве не очевидно, что эффективный диалог куда интереснее неэффективного действия? Просто смотрите: поменял ли диалог ситуацию или всё осталось, как прежде. А если поменял — почему это произошло, что нового о персонажах удалось узнать. Уверен, многие диалоги в классических русских произведениях без труда покажут, что они эффективны в изменении сюжета.

Рост персонажа против роста читателя

Представьте себе две ситуации. Первая: герой истории не узнал ничего нового, но нечто новое и полезное узнал читатель. Вторая: герой истории узнал что-то новое и полезное

для себя, при этом читатель не узнал ничего нового. Какая из этих ситуаций лучше и желательнее?

Уверен, кое-кого этот вопрос заставит задуматься, ведь западный стиль давно дрессирует и читателя, и автора идеями о том, что развитие персонажа — это благо и делает историю лучше, а отсутствие развития делает историю хуже. «Автор не дождал, не доработал, а то и вовсе не знает, что персонажи могут развиваться». Однако же, кто читает книгу — реальный человек или персонаж книги? Кто за эту книгу платит? Очевидно, всегда важнее, чтобы новую информацию получил читатель, чтобы читатель, так сказать, развился, а развитие персонажа — дело десятое. Персонаж книгу о себе не покупал.

И поэтому ситуация, когда читатель узнал что-то новое, а персонаж — нет, лучше той, когда персонаж номинально развился, а читатель нового из книги не вынес. Это важно обозначить для последующих рассуждений: важно развитие читателя, а не персонажа.

Отсюда может возникнуть два вопроса: как же так вышло, что один развивается, а другой нет, и почему так важно говорить об этой ситуации, разве она не исключение? Так вот, ситуация эта скорее правило, чем исключение. Пока же главное понять, что опыт читателя и персонажа могут не совпадать и развитие читателя важнее.

Рост персонажа в западном стиле

Рассмотрим сперва наш любимый западный стиль. Так

как история сфокусирована на одном действии — победить негодяя или вывести его на чистую воду, — то и рост персонажа очевидным образом связан с этим разовым действием. Персонаж «растёт» таким образом, чтобы победить негодяя эффективнее. И тут вариантов в плане изменения менталитета не так много.

Он может принять на уровне сознания некую силу, чтобы ей воспользоваться. Мысль здравая, но для читателя разве это такая уж распространённая ситуация, когда у него есть какие-то силы, а он боится их использовать? Сомневаюсь.

Он может перестать бояться негодяя или сопротивляться страху всю историю. Не бояться грядущего дела — мысль весьма здравая, и ситуацию можно для читателя назвать распространённой. Однако и тема преодоления страха заезжена в западном стиле до предела. Целый жанр ужасов строится на этой мысли: вон, страшное привидение, или заводная обезьяна, или разделанный грузовик — оно страшное, но ты его не бойся, и в итоге преуспеешь. А испугаешься — и проиграешь. Идея полезная, но крайне заезженная.

Так же за рост персонажа в западном стиле выдают избавление от вредных привычек: герой пил, потом протрезвел и победил. Это опять же идея весьма очевидная и известная всем — совсем не обязательно читать целый роман, чтобы понять, что вредные привычки... вредные.

В любом случае, когда вся история сводится к разовому действию, аналогов которого нет в жизни читателя, то и рост

персонажа сводится к подготовке к этому действию и для читателя бесполезен. Однако западный стиль дрессирует читателя, говоря: «Вот, рост у персонажа номинально есть, так что не жалуйся, что ты это уже видел, а покупай следующую часть».

И вот тут стоит остановиться и задать вопрос, который мне постоянно хочется задать западным обзорщикам на ютубе. Они часто сетуют на то, что персонаж «не развился», «остался таким, как был», и что это делает произведение объективно хуже. А я хочу спросить — а тебе какое развитие от него нужно, чтобы он стрелял точнее, бил сильнее, бегал быстрее, собирал улики, разглядывая их через лупу с увеличением не $\times 2$, а $\times 3$?

Ведь в западном стиле история сводится к разовому действию, где персонаж демонстрирует, что у него достаточно вещей или навыков, чтобы победить в финальном противостоянии. О каком глубоком развитии тут вообще может идти речь? Единственное развитие, которое тут возможно (и довольно частое), заключается в том, что персонаж понимает: полезное оказалось бесполезным, а «бесполезные» вещи внезапно помогли.

Возьмём известный франчайз «Звёздные войны», эпизод 4, который признан чуть ли не всеми одним из лучших в серии. В конце четвёртой части главный герой летает на маленьком космическом корабле и пытается разрушить большой космический корабль. Но у него отказывает электро-

ника, тогда он обращается к «силе», которая помогает ему навести ракеты. Большой космический корабль взрывается, победа! В чём развитие персонажа? Он думал, что электроника — это то, что ему поможет, но она оказалась бесполезной, и ему помогла «сила», о которой он подзабыл в тот момент, считая её неважной в космических боях. Вот и всё развитие. А «злые антагонисты» выяснили, что напрасно полагались на свой большой космический корабль.

Новое понимание того, какие вещи полезны, а какие бесполезны — это максимум значимого развития, которое может получить персонаж в истории западного стиля. Так же иногда некоторые второстепенные персонажи (их навыки управления вещами) оказываются более полезными или менее полезными. Нет никакого смысла искать в персонаже какого-то глубокого развития, если вся его задача — нажать на кнопку и запустить ракету для победы.

Рост персонажа в русском классическом стиле

В русской классике мы часто видим сюжеты, где для персонажа всё закончилось не слишком хорошо. Вот, Обломов ничему не научился за всю историю. Рост персонажа — нулевой. Однако на примерах таких персонажей легко может научиться читатель, потому что персонаж, если и встретил некий неудачный для себя конец, то не просто так, не потому, что автор решил сделать трагичную историю, а потому, что ошибся в выборе отношений. И эта ошибка, как правило, видна достаточно явно.

Из-за того, что читатель строит или поддерживает отношения почти каждый день (я надеюсь, вы с другими людьми разговариваете), выводы, сделанные из истории, вполне могут пригодиться рано или поздно. При этом ошибки в отношениях бесконечны в своём разнообразии, их можно условно поделить на категории, но это их разнообразия не уменьшит. Очевидно, что Обломов просто поленился пойти к девице, которой нравился он и которая нравилась ему. При этом приводил различные доводы, почему ему именно сегодня не стоит делать того или этого. Разве мы все не поступаем так от случая к случаю? Я вот взял и не поленился написать это предисловие и последующую книгу, а вы не поленились дочитать до сюда. Мы сделали выводы из истории об Обломове.

Но если говорить точнее, то для заключения эффективных отношений персонажу в русском классическом стиле нужны две способности. И авторы этого стиля — включая Чехова, Толстого и Достоевского — как правило сосредотачиваются на том, что у персонажа есть одна из этих способностей и отсутствует вторая. Так мы можем понять, какая из способностей (точнее, её отсутствие) мешает персонажу заключить эффективные отношения, и возможное получение какой способности будет для него ростом. Если у персонажа не будет обеих способностей, то не будет понятно, что именно навредило его отношениям. Если будут обе, тогда и отношения он каждый раз будет выстраивать эффективно.

Итак, способность первая — знать, что ему на самом деле нужно. Как ни странно, идея о том, что персонаж хочет не того, что сделает его счастливым (того, что ему нужно), встречается и в западных обзорах. Однако эту способность в западном стиле ещё нужно как-то притянуть к тому финальному бою, которым всё закончится. В русском классическом стиле ничего притягивать не нужно, ведь нет никакого финального противостояния. Если персонаж знает, что ему нужно, он ищет тех людей, которые могут ему это дать. Если он ошибается в понимании того, что ему нужно, он может найти человека, который даст ему желаемое, но счастье это персонажу не принесёт.

Типичный пример персонажа, который ошибался в том, что ему нужно, — это Пьер Безухов (и на самом деле многие персонажи «Войны и мира»). Вся его суть в том, что он вообще не знает, что ему нужно, и просто повторяет за людьми, которые, кажется, нашли своё признание. Так он пьёт с гусарами и почти вываливается из окна, повторяя бессмысленную и опасную демонстрацию смелости. Он вступает к масонам, видя, что те, кажется, нашли цель в жизни. А затем решает повторить за каким-то мальчишкой, о котором прочитал в газете, покушение на Наполеона. Ни одно из этого не принесло ему удовлетворения, а само покушение сорвалось не из-за механических проблем (не потому, что Пьера вычислили, схватили или пистолет не выстрелил), а из-за того, что Пьер начал понимать, что ему нужно на самом де-

ле — важность сохранения человеческой жизни. В плену он понял эту идею окончательно. Он понял, что нужно ценить не сиюминутную радость от успеха в сомнительном деле, а саму жизнь и стабильное домашнее хозяйство.

Схожая арка есть и у Наташи Ростовой, которая тоже понимает, что стабильное домашнее хозяйство важнее, чем развлечения.

Второй же навык, который нужен для создания долгосрочных и эффективных отношений, — это умение понимать и плюсы, и минусы партнёра по отношениям. Видеть не только его плюсы и не только его минусы, но понимать человека всесторонне и верно. Ведь если не увидеть минусов, они выплывут, когда отношения заключены, и это может испортить эти самые отношения на всю оставшуюся жизнь. А если не увидеть плюсов, можно разорвать или не заключить нужные отношения, что также создаст весьма длительные и крупные проблемы.

Например, Андрей Болконский, когда узнал об «измене» Наташи Ростовой, тут же решил разорвать с ней все отношения. Он не увидел её положительных качеств в тот момент, а увидел их лишь когда был ранен и она о нём заботилась. Тогда он пожалел о своём раннем решении.

Итого в русском классическом стиле у персонажа есть два навыка для развития — понимание важности какого-то аспекта жизни, который он считал неважным, и понимание того, что оценка партнёра по отношениям не должна быть од-

нобокой, а включать и плюсы, и минусы.

Какие ещё выводы можно сделать из произведений, написанных в русском классическом стиле?

Возьмём Чичикова из «Мёртвых душ». Уверен, многим это произведение понравилось из-за харизматичных персонажей, которых встречал главный герой. А вот читателю, надрессированному западным стилем, это произведение наверняка бы не понравилось. Западный стиль нацелен на одно финальное действие, и тут оно чётко обозначено: Чичиков решил провернуть махинацию и получить с государства деньги за собранные «мёртвые души». Однако в концовке произведения мы так и не узнаём, получилось у него это провернуть или нет. Читатель, знающий только язык западного стиля, тут будет крайне разочарован, ведь время он потратил, а итог так и не узнал — даже намёка на успех этого предприятия нет.

Однако с точки зрения русского классического стиля произведение полностью закончено, продолжение у него может быть, но оно завершено идейно и в текущем виде. Что же там произошло с Чичиковым и какие идеи может получить читатель? Кажется, не многие обратили внимание на то, что Чичиков искал деньги не для себя, а для своих будущих детей.

Дословно Н. В. Гоголь, «Мёртвые души» (глава 11): «...но он всё это умел перенести, и переносил, и, наконец, — терпел, терпел, переносил всё, и всё это делалось для того, чтобы впоследствии, когда наступит время, вдруг сделаться че-

ловеком достаточным и завести, наконец, дом, детей и прочее, — словом, всё то, что составляет отраду жизни».

И в той же главе: «...жизнь его была такова, что он уже чувствовал наслаждение впереди, в будущем добре, которое готовилось ему и его потомству».

Вот его мотивация — он хочет где-то осесть и завести детей. Однако что происходит по факту? Он сперва приезжает в город и создаёт о себе отличное впечатление, но потом начинает ездить по округе и предлагать странный и непонятный обмен. Со временем окружающие начинают относиться к нему с подозрением, и Чичиков вынужден бежать из города. Выходит, он своими подозрительными действиями сам себе портит перспективы завести детей и где-то осесть. Это ошибка в отношениях, из которой читатель может сделать выводы и применить их в своей жизни.

Вспомним, что русский классический стиль — это определённые принципы истории, которые не привязаны ко времени, стране или формату медиа. Многие советские фильмы рассказывают истории, написанные по тем же принципам.

Например, «Бриллиантовая рука». В этом фильме много шуток и песен, и, возможно, выводы про ошибки в отношениях и рост персонажа сделать удалось не всем. Однако рост героя там определённо есть. Персонаж Юрия Никулина оценивает людей по их внешности: в начале фильма считает, что раз бандитская внешность — значит, бандит, раз человек выглядит прилично — значит, он, по сути, честен.

Так в самом начале фильма милиционеру за рулём с подозрительным лицом достаётся по голове. Со временем герой понимает свою ошибку и начинает оценивать людей по действиям, а не по внешности, и ему удаётся распознать шефа бандитов. Эту же идею неплохо бы освоить и некоторым читателям, потому что излишняя доверчивость к «хорошей» внешности навряд ли приведёт к добру, даже если речь не о преступниках.

Вот примеры выводов, которые может сделать читатель из произведения, написанного в русском классическом стиле, — куда полезнее, чем банальное «будь эффективным в (магической) перестрелке с главным злодеем» или что-то в этом духе.

Выбор или коридор

Я обратил внимание на одну любопытную деталь: в западном стиле персонажи часто ограничены в выборе действий внешними обстоятельствами. Почему? Да потому, что западный стиль — это истории про вещи и предметы, а не про персонажей. Персонаж там является лишь носителем предметов или навыков, а не тем, кто имеет собственное мнение. В этом стиле персонажей по сути всего два типа — те, кто за всё хорошее против всего плохого (положительные), и те, кто за всё плохое против всего хорошего (отрицательные). Чтобы это однообразие не бросалось в глаза, автор западного стиля ставит разных персонажей в разные обстоятельства, где у персонажа фактически нет выбора.

Это логический коридор, в котором персонаж делает самые очевидные поступки просто потому, что обстоятельства его к этим поступкам принуждают. А у другого персонажа другие обстоятельства, и он действует иначе — но не из-за своих уникальных идей, а из-за того, что обстоятельства его к этим действиям склоняют. Имея разные коридоры, автор западного стиля получает персонажей, которые визуально, на первый взгляд, действуют по-разному, но стоит на мгновение задуматься — а как бы они действовали, будь они в одних обстоятельствах — и быстро понимаешь, что действовали бы они одинаково.

Только поставив персонажей в одинаковые обстоятельства, мы можем увидеть, разные ли это люди в плане принятия решений или абсолютно одинаковые.

Давайте разберём фильм «Челюсти» — если разбирать, то самое популярное из западного стиля. Оставим за скобками режиссуру, музыку и все эти пугающие элементы — тут Спилберг, безусловно, справился. И знатно подпортил репутацию несчастным акулам. Что же там в плане сюжета и персонажей? Есть ли там вообще история?

Выделим трёх основных персонажей: шеф полиции Броди (главный герой), Ларри Вон (мэр города) и Квинт (профессиональный охотник на акул).

Произошло первое нападение, шеф полиции просит мэра закрыть пляжи, но тот не соглашается, потому что городу нужны деньги. Является охотник на акул и говорит, что

убьёт акулу, но это будет стоить дорого. Шериф поддерживает план, мэр отклоняет план.

Затем происходят ещё нападения, мэр признаёт правоту шерифа, закрывает пляжи, выдаёт охотнику запрашиваемые деньги. Шериф преодолевает фобию воды, садится с охотником в лодку. После эпизода с раскрытием предыстории акула нападает на лодку, охотник погибает, шериф добывает акулу.

Кажется, что и конфликты, и даже арки персонажей очевидны. Значит, персонажи разные? Но, как я говорил, эти персонажи лишь поставлены в разные ситуации сюжетом. На самом деле все они «за всё хорошее против всего плохого». Задача шефа полиции — охранять людей, а задача мэра города — развивать город. При нападении акулы каждый просто выполняет ту задачу, которую навесил на них сюжет, в том числе и охотник на акул, который просит соответствующую его опасной работе сумму денег.

А что, если бы Броуди был не шефом полиции, а мэром города? Если бы на него смотрели не как на того, кто обеспечивает безопасность, а как на того, кто развивает город — что бы он сделал? Мэр действует логично: говорит, что отправит кого-то с вертолётами охотиться за акулой, и те даже ловят какую-то акулу. Мэр действует в рамках обстоятельств, в которых он помещён, характера почти не проявляет. Как только ситуация меняется, меняется и его решение — он соглашается с шерифом, когда узнал, что акула не так проста, как обычные акулы до этого.

Но мы не узнаем, как бы поступил Броуди на месте мэра или охотника за акулами (стал бы требовать такую же плату за смертельный риск), потому что они всегда находятся в разных обстоятельствах, в разных коридорах, где у них нет выбора.

Броуди преодолевает боязнь воды. Можно ли это считать аркой персонажа? Ну, думаю, как в ситуации, которую я описал ранее, выводы персонажа и читателя различаются. Думаю, посмотревший этот фильм скорее обретёт боязнь воды и акул, чем от неё избавится. Я лично не считаю избавление от фобий полезной для читателя аркой персонажа, ведь избавиться читателю от фобии или зависимости куда сложнее, чем выдуманному персонажу.

Так что, увы, этот фильм поставил всех персонажей в рамки и не выпустил их вплоть до финала, когда Броуди оказался с акулой наедине, а в руках у него был пистолет. Какие варианты у него были в этих обстоятельствах? Разумеется, как стандартный персонаж, который «за всё хорошее», он выстрелил — и акула взорвалась. Кстати, до этого персонажи обменялись своими предысториями, но из-за того, что весь фильм сводится к убийству акулы, эти предыстории ни на какие выборы персонажей не повлияли — мы лишь немного узнали, кто и зачем на эту акулу полез.

В классической же русской литературе персонажи самым очевидным образом находятся в одинаковых ситуациях, однако принимают разные решения, потому что они... разные

персонажи. Раскольников не был зажат обстоятельствами, когда убивал старушку, о чём он даже говорит в диалоге:

«— Я ведь, Соня, когда я к старухе-то ходил, — начал он вдруг, — я ведь знал, что я не с голоду умираю... Если б только я зарезал из того, что голоден был, то я бы теперь... счастлив был!»

При этом в истории буквально есть персонажи с худшим финансовым положением, чем Раскольников. Перед убийством Раскольников подслушивает разговор, где двое — офицер и студент — обсуждают всё то, что он уже знает: они говорят о том, что старуха достойна быть убитой по всем возможным критериям и к тому же её сестры не будет дома. Раскольников не единственный, кто обладает и мотивом, и возможностью для убийства, но он единственный, кто убивает, потому что он фундаментально другой персонаж, чем подслушанные им офицер и студент.

Любопытная ситуация со Слаем

Слай — это сокращение от Сильвестр. А какой Сильвестр самый известный? Конечно, Сильвестр Сталлоне, о нём и пойдёт речь.

Фильм «Рэмбо: Первая кровь» (1982) снят по роману Дэвида Моррелла (David Morrell), который называется «Первая кровь» (First Blood, 1972 год). Этот роман по сути написан в классическом русском стиле (как я уже говорил, в этом стиле пишут не только русские классики, а все, для кого важнее показать проблемы отношений, чем финальную битву добра

и зла). И написан он на основе реально произошедшей жизненной ситуации — автор слышал по радионовостям о ветеранах Вьетнама, которые возвращались домой и сталкивались с непониманием общества.

Роман сосредоточен на проблеме того, что солдатам, вернувшимся с войны, сложно адаптироваться к обычной жизни. В фильме это в принципе отражено, хотя углы и сглажены. Фильм стал успешным, и настало время делать деньги, выпуская продолжения. Однако история о проблемах отношений уже рассказана, не придумывать же новые проблемы. Это сложно и долго. Гораздо проще переключиться со стиля, описывающего отношения, на вещевой западный стиль. В западном стиле и сняты продолжения — теперь перед Рэмбо задача не адаптироваться к гражданской жизни после войны, а взять в руки пулемёт и положить как можно больше врагов и вертолёт в придачу. В таком стиле можно клепать продолжения, пока зрителю не надоест рассказ о данных предметах и навыках.

С фильмом «Рокки» похожая история. Сценарий написан в этот раз самим Сталлоне, но, как и в прошлом случае, за основу взята жизненная ситуация — боксёрский матч, в котором один из бойцов старается не победить, а продержаться как можно дольше на ринге, хоть и понимает, что победу отдадут не ему. В этом фильме Рокки меняется в социальном плане ещё во время тренировок, а сам бой по сути не так важен.

Главный перелом происходит не в бою, а в процессе тренировок, когда Рокки впервые в жизни ставит перед собой цель и начинает её достигать. С Микки он переступает через гордость и сам приходит к тренеру мириться. Он признаёт, что Микки был прав, и просит его о помощи. Это первый взрослый поступок Рокки — признать свою уязвимость. Он выпускает наставника в свою жизнь. С Эдриан он перестаёт быть клоуном. В сцене, где он берёт её на каток и впервые целует, он уже не трещит без умолку. Он начинает слушать. Пик доверия — сцена, где он признаётся ей в своих страхах перед боем: «Я не смогу его побить... Но я хочу продержаться все 15 раундов. Чтобы никто никогда не смог сказать, что я просто "стоял на ногах"». Он впервые делится не шуткой, а болью. С собой он покупает себе новую одежду, начинает следить за собой, выбрасывает старые плакаты из шкафа. Это внешнее проявление внутреннего сдвига: «Я имею право на уважение, я могу быть лучше».

Меняется и отношение окружающих к Рокки. Микки сначала кричит на Рокки и оскорбляет его. Но как только Рокки сам делает шаг к примирению, Микки мгновенно оттаивает и становится преданным менеджером (даже дарит ему свой старый боксёрский медальон). Пол, брат Эдриан, в начале стыдится сестры и презирает Рокки за «тупость». К концу фильма он скандалит и завидует, потому что Рокки поднялся выше него. Он единственный, кто злится на успех Рокки. Толпа и СМИ в начале смотрят на Рокки как на «мешок с

мясом» (журналисты задают унизительные вопросы). К концу боя зал скандирует его имя. Зрители и репортеры полностью переобулись, увидев в нём не жертву, а героя.

И что же дальше? Фильм принёс много денег, нужно клепать продолжения, а персонаж уже пережил все арки, и идея победы через проигрыш уже показана. Остаётся переходить на западный стиль и выстраивать сюжет с фокусом на одно финальное действие — победу в матче над противником. В этом формате можно снимать фильмы, пока зрителю не надоест смотреть на новые монтажи тренировок и новые удары боксёрскими перчатками по потным физиономиям. В итоге «Рокки 5» уже всем надоел, хотя до этой части франчайз дотянул как раз из-за различных идей отношений между бойцами.

Вот так сразу два франчайза со Слаем очевидным образом перешли от первого фильма в русском классическом стиле к последующим фильмам в западном вещевом стиле и к утрате интереса зрителя.

Где новые авторы уровня Толстого и Достоевского?

Истории в русском классическом стиле писать куда сложнее, чем штамповать однотипные истории в западном стиле. Поэтому рост предложения должен рождать высокий спрос. А где он, этот высокий спрос? Много ли людей, которые прочитали всю русскую классику и хотят ещё чего-то в таком духе? Безусловно, такие люди есть, и они есть по всему миру, но их недостаточно много, чтобы заставить авторов бросить

то, чем они занимаются, и начать изучать русскую классику, чтобы понять её суть и начать делать что-то в таком духе.

Потому у нас в кинотеатре и борется «Колобок» со «Человеком-пауком». Неудачная отечественная поделка против пика эволюции западного стиля. Только если достаточно людей поймёт, о чём именно писали классики, мы, возможно, и увидим нечто новое в таком же духе. Радует то, что на YouTube несколько каналов занимаются озвучкой русских классических произведений и аудитория у них стабильная. Всё же спрос есть, и он растёт.

Как я пытался совместить оба подхода

При этом я вовсе не утверждаю, что книга должна быть скучной и назидательной. Напротив, я считаю, что многие авторы прошлого, стремясь к поучительности, порой действительно пренебрегали развлекательной стороной, из-за чего их произведения воспринимаются как нечто заумное, тяжеловесное и даже депрессивное. Но наличие в тексте полезных идей совершенно не отменяет того, что он может увлекать читателя — работать, так сказать, «на два фронта». Есть блестящие примеры, когда авторам удавалось совместить и то и другое: «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова или «Пикник на обочине» братьев Стругацких — каждый из этих текстов и развлекает, и заставляет задуматься. Разумеется, такое совмещение требует от писателя владения двумя разными наборами навыков: умением выстроить захватывающий сюжет и способностью заложить в него нетривиаль-

ную мысль. Но сегодня, в эпоху интернета, когда автор имеет возможность читать сколько угодно и развлекательных, и поучительных произведений, изучать их приёмы и учиться на них, самое время начать осознанно объединять эти два подхода.

Позвольте привести конкретный пример из самого начала этой книги — он послужит иллюстрацией того, о чём я говорю. В первых главах читатель встретит человека, который пытается доставить осиротевшего ребёнка в безопасное место. Он понимает, что ребёнку нужна семья, но сразу для себя решает, что усыновлять его не будет, потому что убеждён: усыновление повредит его карьере. Кроме того, этот персонаж недавно был несправедливо обижен и теперь считает, что жизнь должна как можно скорее компенсировать ему эту обиду и восстановить справедливость. Обе идеи кажутся естественными и даже разумными. Но что, если герой попал в ситуацию, где подобные мысли смертельно опасны? Что, если именно они закроют ему путь к верному решению? Именно такие моменты мне и интересно исследовать: как заготовленные, привычные представления о том, что правильно, а что нет, вдруг перестают работать — и чем это оборачивается для человека.

Дальнейшее произведение написано с фокусом на русский классический стиль, но и элементы западного стиля в нём присутствуют — однако они не образуют сюжет, а лишь дополняют его. По крайней мере, такова была задумка авто-

ра. А уж удалось мне это или нет — думаю, сам читатель и решит.

Часть 1 "В тихом городе..." Глава 1

Путник знал, что впереди лес полон тварей, способных убить одним быстрым движением, но шёл так, будто был уверен, что ни одна не посмеет его тронуть.

Он не мог бы объяснить эту уверенность словами. Она не имела отношения ни к магии, которую он когда-то изучал, ни к оружию — оружия у него не было. Просто где-то глубоко внутри, под слоем усталости и боли, жило странное, почти чужое чувство — они не тронут.

И он доверял ему так же, как доверяют инстинкту, просыпающемуся раньше рассудка.

Лес вокруг жил своей жизнью. Ветер пробегал по кронам, выжимая из них протяжный, почти человеческий гул — будто деревья перешёптывались о том, кто вошёл в их круг и не выйдет обратно.

Местные жители равнины называли это место Шепотным лесом. Говорили, что деревья запоминают голоса тех, кто здесь умер, и повторяют их шёпотом, пока не появится новый путник.

Он, конечно, не верил в эти сказки — десять лет в лаборатории магистра Валериуса вытравили из него склонность к суевериям. Но сейчас, когда холодный воздух пронизывал промокший плащ, а где-то в чаще трещало и ухало, по спине всё равно пробежал холодок.

Рион поправил корзину, висевшую на сгибе локтя. Тяжё-
лую. Слишком тяжёлую для того, кто пробирается через ча-
щу без тропы и без отдыха.

В корзине, укрытый старым одеяльцем, спал Корбин —
шестимесячный мальчик, единственный, кто выжил после
той ночи на поляне. Рион не знал, чувствует ли ребёнок хо-
лод, слышит ли шёпот леса, но ровное дыхание малыша бы-
ло сейчас единственным, что держало его на ногах.

Раздвигая мокрые ветви, он пробирался дальше. Порос-
шие мхом сучья цеплялись за одежду, замедляя шаг. Тропы
не было видно, и он брёл вслепую, чувствуя, как тяжёлая но-
ша в левой руке тянет плечо вниз, а промокшая ткань плаща
прилипает к спине.

Пахло гниющими листьями, прелой корой и чем-то ещё
— кисловатым, звериным, тревожным. Где-то впереди раз-
давался треск — то ли сук ломался под тяжестью невидимо-
го зверя, то ли ветер играл с кронами. Рион заставлял себя
не вслушиваться в этот звук, сосредоточившись на каждом
шаге.

Рион родился в Башне и десять лет проработал младшим
сотрудником в лаборатории магистра Валериуса. Он терпел,
как начальник присваивает его открытия, молчал, когда его
имя исчезало из отчётов.

Но однажды он не выдержал — вместе с группой таких же
обиженных учёных сбежал из Башни, надеясь на свободу и
собственное признание. Они разбили лагерь на поляне в глу-

бине Шепотного леса, вдали от стен, где их не могли достать. Учёные затеяли опасный ритуал, надеясь совершить прорыв, который вернёт им славу. Они не хотели замечать опасность, полагаясь на собственный ум. В отличие от остальных, Рион не разделял этой уверенности — он стоял на краю круга, а не в центре. Но даже там, на границе, магическая волна, вырвавшаяся из алтаря, прошла сквозь него. Она не испепелила его, как остальных, — лишь задела, оставив в груди невидимый ожог, который теперь напоминал о себе каждой остановкой сердца. Он не знал, почему выжил, но чувствовал, что та же сила, что спасла его тогда, продолжает держать его в живых.

Когда маги активировали алтарь, что-то пошло не так. Вспышка — и лагерь исчез. Все погибли, кроме него и шестимесячного Корбина, которого спрятали в узкой нише под корнями старого вяза на краю поляны. Магический удар туда просто не достал.

Вспышка и тишина врезались в память так отчётливо, будто всё случилось минуту назад.

Прошли сутки с тех пор, как он ушёл с поляны, где ещё недавно шумели палатки беглых учёных. Теперь от них остался лишь пепел да оплавленные края алтаря.

Он нёс единственное, что уцелело — Корбина, спящего под плотной тканью корзины, и кошель с монетами, найденный среди пепла.

В Башне младших сотрудников часто пугали рассказами

о том, что ждёт их за стенами. Голод, болезни, дикие твари, бесконечные бури — всё это, говорили старшие, нельзя победить мечом или магией.

У этих бед нет лица, по которому можно ударить, нет имени, которое можно проклясть. Их невозможно вызвать на дуэль или перехитрить в споре. Поэтому в Башне их называли «проблемами без лица». Те же, кто жил за стенами, называли их просто — жизнью.

Внутри эти проблемы были решены — магия заменяла еду, тепло, защиту. Но стоило выйти наружу, и безликие проблемы становились реальностью, к которой нельзя привыкнуть.

Теперь, бредя по лесу с младенцем на руках, Рион понимал, что лекторы говорили правду, хотя тогда считал их всего лишь страшилками для новичков.

Среди всех, кто его обидел, он особенно чётко помнил Валериуса — высокого мужчину с аккуратно подстриженной бородкой, которую тот тщательно холил перед каждым докладом.

Каждый раз, стоя в тени колонны, Рион наблюдал, как начальник поднимается на верхний ярус для публичных выступлений и получает овации за открытия, которые на самом деле сделал его подчинённый. Десять лет он молчал — в Башне не принято было спорить с теми, кто выше по званию.

Всё это время он смотрел, как его имя исчезало из отчётов, а чужое появлялось в заголовках. Теперь начальник

остался в Башне, и вернуть себе признание казалось невозможным. Но Рион не собирался прощать эту обиду.

Стоя перед выбором — ждать в руинах лагеря или идти в чашу, — он достал из кармана куртки медную монету, обычную, потёртую, с едва заметным рисунком на одной стороне.

«Если выпадет орёл, останусь здесь, в опустевшем лагере. Пережду ночь среди пепла, может, найду что-то ещё. Если решка — пойду в чашу, не оглядываясь», — решил он.

Он подбросил монету, и та упала решкой. Нахмурившись, он подбросил её снова — и опять выпала решка. Десять раз подряд, потом двадцать, потом пятьдесят.

Монета падала одной стороной сто раз подряд, и каждый раз он проверял её на ощупь — не заговорённая ли, не поддельная. Нет, она была самой обычной, без всякой магии. Ладонь ловила холодный металл — и каждый раз решку. Это уже не было случайностью.

После эксперимента в лесу Рион почувствовал, что на его стороне невероятная удача. Он не понимал, как именно ритуал изменил его — он стоял на краю круга, а не в центре, и большая часть того, что произошло в ту вспышку, осталась за пределами его понимания.

Но кое-что он всё же смог вывести из обрывков теоретических записей, которые успел изучить ещё в Башне, и из собственных наблюдений за последние сутки. Сила, доставшаяся ему, не была магией в привычном смысле.

Она не требовала заклинаний, жестов, концентрации. Она

не откликалась на волю. Она просто была — как дыхание, как сердцебиение, как гравитация.

Работала она через манипуляцию малыми физическими событиями — теми, которые невозможно отследить и которые никто не назовёт магическими. Монета падала нужной стороной. Ветка, которая могла бы хлестнуть по лицу, отклонялась так, чтобы его не задеть.

Тварь, способная убить одним движением, отворачивалась, почуяв запах не с той стороны. Рион не мог включить эту силу, не мог направить её, не мог попросить.

Она действовала сама, пассивно, непрерывно, и единственное, что ему оставалось, — наблюдать за результатами и пытаться угадать логику. Монетка стала его способом задавать вопросы — подбросить, посмотреть, сделать вывод.

Ограничения, насколько он мог судить, были немногочисленны. Сила действовала на расстоянии, и расстояние это измерялось не метрами, а километрами. Она не требовала отдыха, не накапливала заряды, не слабела от частоты применения.

Плата была внесена один раз, в момент получения, и Рион не хотел думать, чем именно он заплатил. Никаких ощущений сила не давала — ни тепла, ни покалывания, ни щелчка в голове. Он не ощущал ни её работы, ни её бездействия.

Единственным доказательством присутствия был результат — мир вокруг него складывался чуть удобнее, чем должен был. При этом сила влияла только на малые события —

монету, порыв ветра, трещину в коре, направление взгляда.

Но Рион, проведший десять лет в лаборатории, понимал, что малое событие, вовремя случившееся, способно запустить цепочку, которая изменит всё. Трещина в плотине начинается с капли.

Неизвестного было больше, чем известного. Сила действовала в его интересах — в этом он не сомневался. Но как она определяла эти интересы, что именно считала для него лучшим, оставалось загадкой.

Совпадало ли её представление о его благе с тем, что он сам считал благом, он пока не знал. Распространяется ли её влияние на других людей или привязана только к нему — и это было неясно, хотя обрывки записей в Башне намекали, что дублирование подобных свойств, если оно вообще возможно, занимает годы, а не дни.

Вся его информация была теоретической, собранной из чужих отчётов, из полунамёков, из догадок. И каждый раз, когда монета падала решкой в сотый раз подряд, он напоминал себе, что не понимает, что именно ему досталось. Он лишь учится задавать правильные вопросы.

«Удача указывает маршрут, — отметил он про себя, чувствуя, как монета холодит ладонь. — Спорить с таким знаком глупо. Если я смогу довериться ей, возможно, я смогу довериться и себе».

Не колеблясь больше, он подхватил корзину и шагнул в темноту леса. Теперь он шёл не как беглец — монета пока-

зала ему путь, и он доверял этому знаку.

В груди поселилась уверенность — холодная, как монета в кармане, но твёрдая. Он не знал, что именно защищает его, но чувствовал, что удача рядом.

Вещей он взял мало. На поясе висела шкатулка с гранёными кристаллами — меморикс; ремень под её тяжестью ощутимо врезался в плечо. Рион знал устройство наизусть — касание холодной линзы запускало запись всего, что попадало в поле зрения, вместе со звуком.

Линзы требовали бережного отношения, кристаллы боялись ударов, но записи могли изменить всё. Он прятал прибор под плащ, защищая от сырости, и доставал лишь тогда, когда встречал нечто, достойное запечатления.

Эти кадры должны были стать доказательством того, что он заслуживает признания.

В груди резко кольнуло, будто кто-то сжал сердце холодными пальцами. Оно пропустило удар, замерло и тут же забило снова, подхлётнутое болезненной судорогой. Это началось на поляне. Когда магическая вспышка смела лагерь, волна прошла сквозь него, не убив, но оставив внутри что-то сломанное. С тех пор сердце работало с перебоями — могло замереть в любой миг, и каждый раз, когда это случалось, оно вдруг начинало биться снова, без его воли, словно кто-то невидимый нажимал на спусковой крючок. Рион не понимал, что это за сила. Он знал только одно — с тех пор, как он покинул ту поляну, она не позволяла ему погибнуть. Серд-

це могло останавливаться сколько угодно раз, но каждый раз запускалось снова, потому что та же удача, что вела его через лес, не собиралась его терять. Боль была неприятной, но не страшной. Он достал футляр, проглотил две таблетки, не доставая воды. Не потому что боялся умереть — таблетки снимали боль, а не спасали жизнь. Жизнь ему обеспечивала она. По телу быстро разлилось привычное онемение, глушащее спазм.

Перед глазами всплыло серое морщинистое лицо мага Валериуса. Он невольно сжал кулаки. Именно Валериус выдавал ему эти капсулы перед многодневными сменами, и они всегда срабатывали. Таблетки Валериуса — единственное, что начальник ему оставил, не украл.

Он шёл, думая о сухой лежанке, о миске горячей похлёбки, о том, как его имя появится в отчётах. Сможет ли он выбраться из леса, Рион пока сказать не мог.

Сначала он шёл наугад, но вскоре ступни нащупали протоптанную зверями тропинку. Вела ли она к окраине, он не знал, но готов был идти, пока лес не кончится. Тишина давила на уши.

Вдруг он почувствовал на себе чей-то взгляд. Замер, прислушался. Сначала ничего, потом едва слышный скрежет, будто кто-то тёрся о кору. Волосы на затылке приподнялись, но он не остановился.

Среди гнилых пней, прямо на тропе, светился крупный магический гриб. Мягкое голубоватое свечение притягива-

ло взгляд, звало запечатлеть его. Рион опустил корзину на плоский валун, проверил, плотно ли ткань защищает ребёнка от ветра, и отступил на три шага, доставая меморикс.

Он уже видел, как учёные в Башне будут изучать его отчёт, как станут переписывать историю открытия. Пальцы сами потянулись к настройкам прибора — и вдруг замерли. Что-то в воздухе изменилось — лёгкий, еле уловимый запах гари, будто кто-то совсем рядом зажжёт сырую ветку. Рион перевёл дыхание и убрал руку.

Он поднёс линзу к грибу, но в этот момент правый сапог зацепился за скрытый под листвой корень. Рион потерял равновесие, ударился коленом о корень и содрал кожу на предплечье. Меморикс выскользнул, глухо ударился о мох и тускло мигнул. Рукав намок от крови.

Он даже не взглянул на рану — первым делом поднял устройство и стёр с него грязь. Прибор уцелел. Рион помнил правило Башни — кто первым выходит на площадь и показывает находку, тот получает признание и награду. Гриб мог подтвердить его путь.

Но падение было знаком — сейчас не время останавливаться ради записи. Может быть, это тоже она. Не дала мне задержаться там, где не нужно.

Рион поднялся, стряхнул хвою с колен и, глядя прямо в линзу, ровным голосом произнёс. — Лес слишком опасен, чтобы задерживаться. Идём дальше.

Царапину он не перевязывал — промокшая ткань куртки

уже прилипла к ране. Таблетки должны были справиться с болью. Время уходило, лес сгущался, а впереди ждали новые преграды. Останавливаться из-за мелкой раны было нельзя.

В трёх шагах от него бесшумно проползла многоногая тварь-тень. Её тело казалось сгустком тьмы, почти невесомым. Она приняхалась к прутьям корзины, выдохнула с урчанием и ушла в подлесок, не заметив Риона.

«Хорошо, что мы её не заинтересовали», — подумал он, поправляя одеяльце. Главное — держать ритм и не паниковать. Может, и это тоже она. Отвернула, как отворачивает монету.

Он двинулся дальше. Впереди, сквозь туман, замаячили то ли камни, то ли фигуры. Рион напрягся. В лесу всё могло оказаться опасным, но именно здесь ему пригодились знания о магических тварях, которые он вынес из Башни. Бежать было поздно. Он пошёл вперёд, стараясь дышать ровно.

На тропе, преграждая путь, сидела тварь, похожая на гигантского паука. Вместо хитина её тело покрывала корка спекшейся земли и мха, шуршащая при каждом движении. Восемь лап с корневыми отростками впивались в почву. Существо не двигалось — лишь следило за Рионом сотнями крошечных глаз.

Он осторожно сунул руку за пазуху, вытащил меморикс и начал снимать. Он знал, что один взгляд на этого монстра вызывает смертельную сонливость. Жертва лежала рядом и засыпала навсегда.

Рион тут же отвёл глаза, закусил губу и пошёл дальше, глядя под ноги. Голова слегка закружилась, но он удержал равновесие, списав дурноту на усталость.

В тени старого дуба притаилась третья тварь — перевёрнутая сосновая шишка, утыканная острыми шипами. Из центра торчали две тонкие прозрачные руки. «Смотрите, кто тут со мной», — вполголоса произнёс он, держа меморикс так, чтобы в кадр попали и он, и существо.

Он сделал ещё шаг — и вдруг почувствовал, как что-то невидимое уперлось ему в грудь, словно прозрачная стена. Рука с мемориксом дрогнула. Рион отступил, и давление исчезло. Тварь не отпускала его взглядом — будто оценивала.

За валуном лежала четвёртая — похожая на каменную глыбу. Когда Рион приблизился, из-под неё раздался едва слышный плач младенца — уловка природной магии.

«Не бойся, малыш, — мысленно шепнул он ребёнку, крепче прижимая корзину. — Булыжник пытается нас обмануть. Я доберусь до людей и найду тебе дом».

Тварь замолкла и, казалось, потеряла к нему интерес.

Рион сделал последние двадцать шагов между шеренгами монстров — и почувствовал, как мягкая гнилая подстилка сменилась жёсткой травой. Он вышел на открытое место, и напряжение в плечах спало. Он не запаниковал, не дрогнул — и теперь мог идти дальше.

Через полчаса стволы расступились совсем. Рион вышел на открытую равнину. Небо затянули тяжёлые тучи, но кое-

где пробивались редкие лучи. Он перевёл дух. До дороги, по его прикидкам, оставалось не больше часа ходьбы.

Перед тем как идти дальше, Рион переложил корзину в другую руку, разминая затёкшую кисть, и заглянул под ткань. Корбин спал, даже не шелохнувшись. Рион даже позавидовал спокойствию своего случайного спутника.

Сердце снова замерло — спазм растянулся на три долгих вдоха. Рион едва устоял. Сосуды пережало, перед глазами потемнело от головокружения. Затем сердце заставило себя биться снова, словно по инерции, с болезненным толчком. С каждым разом пауза становилась чуть дольше. Раньше это его тревожило — в первые дни после поляны он считал каждую остановку, боялся, что следующая окажется последней. Теперь он воспринимал паузы иначе. Это был тот же механизм, что вёл его через лес, что отводил ветки от лица и отворачивал тварей. Неприятный, но не опасный. Удача не дала ему умереть на поляне. Не дала умереть в лесу. Не даст умереть и здесь, на открытой равнине, с ребёнком на руках и целью впереди. Не сейчас. Не когда до признания осталось так близко. Рион привык доверять этому странному механизму, работавшему без его ведома. Таблетки снимали боль, но не они держали его в живых. Их держала она.

«Точно так же тело сбоило после трёхсуточных смен, — мелькнуло у него. — Таблетки Валериуса всё исправляли. Сегодняшний день ничем не хуже».

Однако боль в груди отступила, когда перед ним открылся

вид огромного пространства, свободного от набивших оскомину деревьев. Вдалеке, над равниной, поднимались магические башни — тонкие, длинные, уходящие от самой земли в самое небо.

Они стояли шеренгой, будто гигантские нити, которыми кто-то сшил горизонт с облаками. Со стороны казалось, что это и есть их назначение — связывать небо и землю, не давать им разойтись в разные стороны.

Рион не раз слышал, как простые жители равнины шептали в дорожных трактирах, будто если башни убрать, небо улетит, а земля развалится. Он смотрел на них сейчас — и понимал, почему рождалась такая вера. Слишком уж хрупкими и одновременно бесконечными казались эти чёрные блестящие иглы на фоне свинцовых туч.

Но Рион знал правду. Башни были всего лишь конструкциями, где каждый этаж держался на чарах левитации. Плиты пола висели независимо друг от друга, а снаружи гулял холодный пронизывающий ветер.

Высота башен была условно не ограничена — сколько отдельных самостоятельных этажей построишь, такой и будет рост. Небо и землю они никак не регулировали, и уж точно не держали мир на себе.

Но со стороны впечатление складывалось именно такое — будто связывают. И теперь, стоя на краю равнины, он сам видел, как легко в это поверить.

Стоя на краю равнины, Рион смотрел на башни — туда,

где его когда-то не признали, где его идеи приписывали другим. Он так поразился, увидев их снова, что забыл о боли в груди. Теперь он вернётся и заставит их считаться с собой, чего бы это ни стоило.

Он хорошо помнил устройство башен изнутри. Башня не могла упасть, но на верхних ярусах воздухом снаружи уже невозможно было дышать — там проводили самые рискованные эксперименты, и именно оттуда, с высоты, обитатели башен смотрели на мир внизу, как на муравейник.

Простые люди у подножия боготворили тех, кто жил за стенами, и не видели, что там происходит. А потому те, кто наверху, оставались безнаказанными. И даже учёные средних этажей часто не получали заслуженного признания. Рион это знал на собственной шкуре.

«Высшие маги смеялись над моими отчётами, — отметил он, пряча лицо от ветра. — Но скоро континент узнает моё имя. То, что я записал сегодня, — только начало».

Холодный ветер прервал размышления. Небо менялось. Вокруг парящих вершин сгущались свинцовые тучи, по которым ползли вспышки молний. Очередная «безликая проблема» приближалась, и в одиночку с ней не совладать.

Нужно было договориться с местными, чтобы найти укрытие. Рион плотнее закутался в плащ и шагнул вперёд, навстречу ветру.

Глава 2

Ледяной порыв ветра ударил в лицо, возвращая Риона к суровой реальности. Небо стремительно чернело – тяжёлые тучи с юга поглощали последние отблески дня, а с равнины уже надвигалась неистовая буря. Но стихия была не единственной бедой. Изматывающая слабость и липкий страх за жизнь ребёнка гнали его вперёд, не позволяя остановиться ни на миг.

Переждать такую бурю на открытом месте – значит погибнуть. Рион глубже натянул капюшон и прибавил шаг, чувствуя, как сквозняк предательски ползёт под плащ, стуча спину. Ветер крепчал, он шёл почти наугад, пока через сотню шагов не уткнулся в развилку. Грунтовые колеи расходились в разные стороны, и нужно было решать, куда сворачивать.

Левая, утоптанная и глубокая, вела к столице – туда, где его записи на кристаллах могли бы оценить по достоинству. Правая едва проступала сквозь высокую траву, уводя к безымянному поселению, которого не было ни на одной карте. Мысль о кристаллах заставила его свернуть налево. Если он хотел передать их тем, кто способен понять, путь лежал только в столицу. Иначе весь этот ад – лес, кишасший тварями, ослепительная вспышка ритуала, смерть всех, кто шёл рядом, – теряла смысл. Никто не узнает, что он сделал. Никто

не оценит, какую цену он заплатил.

У обочины рос старый, покосившийся дуб. Сначала ветер ударил в ствол, и по равнине разнёсся пронзительный скрип – словно дерево стонало перед смертью. В следующее мгновение налетел шквал, куда более яростный. Корни с тошнотворным хрустом вывернуло из размокшей земли, обнажив переплетённые коричневые жилы. Ствол надломился, и тяжёлая крона рухнула поперёк колеи, намертво перегородив путь. Объехать завал по разбитой, раскисшей после вчерашнего дождя грязи было невозможно.

Риона осыпало щепками, но он устоял, заслонив корзину с ребёнком собственным телом. Отойдя от упавшего гиганта, он потёр ушибленный лоб, нащупывая горячую, быстро напухающую шишку. И замер. Каковы шансы, что дерево рухнуло именно сейчас, именно перед ним? Мизерные. А вот вероятность вмешательства удачи, которая всегда берегла его, была огромна. Но что это значит? Какой знак она посылает?

Тишина, воцарившаяся после падения, давила на уши. Рион смотрел на перегородивший дорогу ствол, и мысль о случайности казалась кощунственной. На ум пришла монета – та самая, что падала решкой сто раз подряд, безоговорочно приказывая идти именно сюда. «Силы уже говорили со мной напрямую, когда я не хотел их слушать, – вспомнил он. – Теперь они снова правят балом, оберегая от неизвестности, что подстерегает в столице».

Сдерживая раздражение, он сжал челюсти. В груди поднялась горячая, колючая обида – словно под шиворот попал раскалённый уголёк. В лагере он сам молил удачу указать путь, когда сомнения раздирали его. Теперь она указала, не спрашивая его мнения, и это бесило до дрожи. Он сделал глубокий вдох, пытаясь взять себя в руки. «Я собирался в столицу, – мысленно огрызнулся он. – Десять лет глотал унижения в Башне, чтобы наконец начать жить без чужих указок. А теперь мне снова затыкают рот, словно я не способен сам выбрать дорогу».

Но он тут же одёрнул себя. Спорить с удачей – значит потерять её. А без неё он не пройдёт и половины пути. Рикон трезво посмотрел на поваленный дуб, признавая свою злость, но понимая её бесполезность. Указание есть указание. «Приходится подчиняться, – решил он, чувствуя, как горечь отступает, уступая место холодной рассудительности. – Сколько бы это ни бесило, другого выхода нет».

Он зажмурился, сжимая челюсти до скрежета, чувствуя, как из груди поднимается паника. Заставил себя дышать ровно, считая удары сердца – раз, два, три... На счёте «пять» дрожь в руках начала утихать. Это не удача даёт сбой. Это Корбин. Удача хочет, чтобы он как можно быстрее пристроил ребёнка, не позволяя отвлекаться на амбиции. Значит, так и нужно.

Вспомнив о кристаллах в мемориксе, ради которых он терпел этот ад, он нашёл в себе силы сделать ещё шаг. При-

знание придёт. Не сразу, не здесь, но в столице, когда он доберётся до нужных людей. Мысль об этом придавала сил, и он ускорил шаг.

Впереди сквозь пелену дождя проступили первые дома – серые, унылые, под стать дороге. На краю стоял столб с потрескавшейся табличкой, на которой с трудом можно было разобрать «Уэстенд».

Рион перевёл дух, вытер рукавом грязь с лица и случайно взглянул в корзину. Корбин спал. Малыш дышал ровно, и его безмятежность, словно тёплое одеяло, укрыла Риона, отогнав остатки паники.

Взвесив всё за и против, он понял, что здесь он не станет известным, но сможет перевести дух, обсохнуть и согреться, а уже потом думать о столице. Рион шагнул в Уэстенд. Название он слышал впервые, и звучало оно так же непритязательно, как и само место – глухая провинция, где не ждут гостей. Узкие улицы петляли между небогатыми домишками с облупившейся краской и покосившимися крышами. Повсюду висел тяжёлый запах дыма и металла – местная рафинерия очищала артефакты, и этот въедливый аромат пропитал сам воздух.

«Всего пять тысяч душ?» – усмехнулся он, чувствуя, как грязь хлопает под сапогами. В Башне, где он жил раньше, население было в десять раз больше, и каждый знал своё место. Здесь же, в этой глуши, он мог спокойно затеряться. Для передышки Уэстенд подходил идеально – в таком захолустье

никто не станет задавать лишних вопросов. Но даже в дыре должны быть приличные места – рафинерия, дом мэра, особняки торговцев. Не в сарае же ночевать с ребёнком на руках.

Сомнения достигли предела, и он понял, что пора действовать. Остановившись посреди улицы, Рион приоткрыл корзину и поправил край старого одеяльца, убеждаясь, что малышу тепло. Корбин даже не пошевелился. Убедившись, что ребёнок в безопасности, Рион достал монету. В лагере она ни разу не подвела – орёл – идти к мэру, решка – к местным магам.

Сквозь сизую дымку он разглядел крупное здание с богатой резьбой на фасаде. Над дверью висела добротная вывеска «Болден-рафинерия». Дом выглядел крепким, сытым; ставни плотно закрыты, из трубы валил густой дым, а в окнах горел тёплый, манящий свет. Лучшее место в городе – каменные стены, горячие печи и, главное, люди, у которых могли найтись деньги на кристаллы или хотя бы сухая пелёнка для ребёнка.

«Здесь и перекантуемся, – решил он, и в груди снова вспыхнула надежда. – А потом, с деньгами в кармане, можно и к мэру идти».

Но стоило ему сделать шаг к крыльцу, как шквальный порыв ветра ударил в грудь, выбив воздух из лёгких. Рион согнулся, хватая ртом воздух, и в этот момент штанина зацепилась за сухой сук, торчащий из земли у самого крыльца.

Он споткнулся, потерял равновесие, и инерция рывком развернула его прочь от крыльца. Он едва удержался на ногах, не упав лицом в грязь и сберегая корзину, но его буквально отбросило от входа.

Он едва не выронил корзину, восстанавливая дыхание, и попытался осмыслить происходящее.

– Да что ж за день такой... – прошептал он, отряхивая плащ. В Башне перед ним хотя бы расступались. А здесь каждый бежал по своим делам, не глядя по сторонам.

«Странно, – пронзила его мысль. – На развилке удача велела идти не в столицу, а в этот городишко. Дерево упало, загородив дорогу – заставило меня свернуть сюда. А теперь не даёт даже к дому подойти. Предупреждает?»

Неужели и рафинерия не подходит? Это было лучшее место в городе, а его отталкивают от него, словно бродягу. Другого объяснения не было. Удача не хотела, чтобы он останавливался здесь.

Боль в ушибленном плече вспыхнула с новой силой. Сердце пропустило удар, и мир поплыл тёмными кругами перед глазами. Он закачался, схватившись за край брошенной телеги. От холода, боли и череды нелепых неудач его начало трясти. Рион знал этот признак. Если не принять таблетки, начнётся приступ. Тогда он не удержит ни корзину, ни себя.

Дрожащими пальцами он нащупал футляр на поясе. Руки не слушались, страх и холод сковали движения. Он с трудом справился с застёжкой, но несколько таблеток выскользнули

из пальцев и шлёпнулись в жижу под ногами.

Рион смотрел, как они мгновенно расползаются серой кашцей, растворяясь в грязи. Единственное лекарство, которое держало болезнь в узде, исчезло за несколько секунд. Без него приступ мог вернуться в любую минуту. Страх сжал горло ледяными пальцами. Когда последние крупинки растаяли, он осознал, что остался без защиты. На чужой улице, в незнакомом городе, где никто не знал его имени. Лечить себя было нечем.

К горлу подступил крик, но он приказал себе сжать челюсти. *Дыши. Считай каждый вдох.* В голове пронеслось, что таблетки кончились и он умрёт здесь, в грязи. Но он вспомнил монету. Она вела его всю дорогу. Если она привела его в этот город – значит, здесь есть тот, кто может помочь. «Таблетки не нужны, – мысленно убеждал он себя. – В лаборатории я глотал их горстями, и это не помогло. Удача на моей стороне – она лучше любой химии».

Главное – кристаллы. Он нёс их через весь лес, рисковал жизнью. Пока они целы, всё остальное можно пережить.

«Рафинерия отпала, – решил он, стряхивая грязь с рукава. – Оставался мэр. Его особняк – второй по богатству дом в городе, там точно есть тёплые комнаты и сухая одежда. Пойду туда».

– Потерпи ещё немного, – прошептал он, склонившись к корзине. – Сейчас найдём тебе тёплый дом. Ты будешь в безопасности.

Он развернулся, намереваясь идти в центр, к богатому особняку. Но стоило ему сделать шаг, как новый шквал ударил в спину, снова выбивая воздух из лёгких. Ветер швырнул ему в лицо пригоршню мелкого гравия и едкого пепла из ближайшей трубы. Рион зажмурился, закрывая лицо плащом, и пошатнулся, опираясь на телегу.

Он стоял посреди улицы – мокрый, грязный, с пустым футляром в кармане и огнём в груди. Идти к мэру в таком виде? Его просто вышвырнут за ворота, как бродягу. Из горла вырвался короткий, полный горечи смешок. Сперва удача завела его в эту глушь, отрезала путь к столице, а теперь не даёт укрыться даже в этом захолустье. Это было уже не наставление – это походило на жестокую насмешку.

Но злость, в отличие от отчаяния, придавала сил. Он сжал челюсти так, что зубы скрипнули. *Нет уж. Я не ломаюсь. Не здесь и не сейчас.* Он коснулся меморикса – жёсткий прямоугольник привычно давил на грудь. Пока кристаллы целы, можно пережить всё. Даже эту чёртову бурю. Даже собственное бессилие.

«Потерпи ещё немного, – прошептал он уже без горечи, а с холодным, упрямым спокойствием. – Сейчас найдём тебе тёплый дом».

Словно в ответ на его слова, свинцовые тучи, затянувшие небо, вдруг разошлись в стороны. Луч солнца пробился сквозь брешь и ударил прямо в невзрачный дом напротив, осветив его золотым, почти театральным светом.

Рион замер. Это был ответ.

Когда яркий свет ударил в глаза, он зажмурился, прикрыв лицо ладонью. Когда он снова открыл глаза, сомнений не осталось. «Вот он, знак, – выдохнул он, чувствуя, как напряжение медленно отпускает плечи. – Удача указывает мне путь. Спорить бесполезно».

Он подошёл к указанному дому и остановился, разглядывая его. Покосившаяся дверь, старые ставни, когда-то выкрашенные зелёной краской, которая теперь шелушилась от старости. Дом выглядел ветхим.

Всю дорогу он ожидал, что удача приведёт его к богатому особняку – к рафинерии или к дому мэра, где ребёнка примут без вопросов. Вместо этого перед ним стояла лачуга, готовая развалиться от первого сильного порыва ветра.

«Из всех домов в городе, – проговорил он, качая головой, – удача выбрала этот сарай. Станный выбор. Зачем вести меня к этой развалюхе, когда рядом есть приличные места?» Но он тут же прикрикнул на себя. Монета сто раз не подводила. И каждый раз, когда она указывала путь, это оказывалось правильным решением, даже если сначала казалось нелепой ошибкой. «Слушаться её я уже научился, – решил он. – Если она сказала сюда – значит, сюда».

Ветер бил в спину, заставляя плащ хлопать по ногам. Уже занеся руку для стука, он застыл. Этот стук решит всё – оставит он ребёнка здесь или нет. Переведя взгляд с облезлой двери на корзину, он посмотрел на спящего Корбина. Ма-

лыш ничего не знал, его лицо было безмятежным. Осознав, что сейчас решится судьба ребёнка, Рион сглотнул подступивший ком. Он оставлял Корбина в этом ветхом доме, у совершенно незнакомых людей.

«Прости, малыш, – прошептал он. – Здесь наши дороги расходятся. Расти здоровым и счастливым».

Собравшись с духом, он постучал в потемневшую от времени древесину. Глухой звук разнёсся по пустой улице и затерялся между домами. Рион замер, прислушиваясь.

Тишина.

Не дождавшись ответа, он ударил кулаком снова, громче и настойчивее.

Замерев на крыльце, он чувствовал, как холод пробирает промокшую ткань до костей. Наконец, за дверью послышались шаги – медленные, осторожные. Кто-то подошёл к порогу и застыл. Всматриваясь в тёмную щель между дверью и косяком, Рион не видел хозяина, но слышал, как тихо скрипнула половица.

Шаги затихли. Человек по ту сторону просто стоял и ждал, слушая его молчание. Хозяин не торопился открывать, и эта затянувшаяся тишина становилась невыносимой, давя на виски.

Рион стоял в мокром плаще под ледяным ветром и нутром чувствовал, что за этой дверью его ждут не деньги и не золото. Это будет что-то совсем другое – то, что он пока даже не мог вообразить. Оставалось только ждать, пока хозя-

ин дома решит, открыть ему или навсегда захлопнуть дверь перед его носом.

Глава 3

Дверь рванули на себя, словно тот, кто стоял по ту сторону, в последнюю секунду передумал и решил, что проще открыть, чем дальше слушать гнетущую тишину.

На пороге стоял мужчина лет пятидесяти. Сидящий, с тяжелым, изборожденным морщинами лицом – эти морщины были глубже, чем позволял его возраст. В правой руке он всё ещё сжимал молоток, в левой – горсть гвоздей, а пальцы были перепачканы густой смолой. Он окинул Риона быстрым, оценивающим взглядом: мокрый плащ, грязные сапоги, корзина на сгибе локтя. Но именно на корзине его взгляд задержался дольше всего.

– Мы никого не ждём, – сказал он, но дверь не закрыл. Голос у него был хриплый, не злой, скорее бесконечно уставший. – Буря на подходе. Дом хлипкий. Нам самим бы удержаться.

– Мне нужна одна ночь, – произнёс Рион. Его голос звучал ровнее, чем он ожидал. – Буря застанет меня на дороге, а с ребёнком на руках я не дойду до следующего укрытия.

Он чуть сдвинул ткань на корзине, чтобы хозяин мог увидеть, кто внутри. Мужчина наклонился, заглянул под полог, и лицо его изменилось. Не резко, не театрально, но что-то в глазах дрогнуло, словно пламя свечи на резком сквозняке.

Он выпрямился. Посмотрел на Риона. Потом снова на

корзину. Затем его взгляд ушёл куда-то вглубь дома, где в полутьме угадывался силуэт женщины.

– Мира, – позвал он негромко. – Иди сюда.

Женщина возникла в проёме. Худая, с туго собранными волосами и усталым лицом, на котором уже лежала тень раздражения – того самого, что появляется, когда тебя отрывают от важного дела. Она посмотрела на Риона, потом на мужа, и её губы сжались.

– Гарольд. Мы договорились.

– Посмотри, – он кивнул на корзину.

Мира шагнула ближе. Заглянула внутрь. И замерла. Несколько секунд она стояла неподвижно, глядя на спящего младенца, и Рион видел, как раздражение на её лице медленно тает, уступая место чему-то иному. Не жалости. Скорее – узнаванию. Будто она увидела в этом крошечном комочке что-то, чего так долго была лишена.

Она выпрямилась. Посмотрела на мужа. Потом на Риона.

– Одна ночь, – сказала она тихо. Голос её был ровным, но прежней резкости в нём уже не было. – Утром вы уходите.

Гарольд молча отступил в сторону, пропуская гостя.

Рион шагнул через порог. Внутри дом оказался теснее, чем казался снаружи, но безупречно чистым. Ни пылинки на полу, ни соринки в углах. В печи потрескивали дрова, разливая сухое тепло, а воздух пах дымом и сушёными травами. После ледяного ветра снаружи это тепло ударило в лицо, и Рион почувствовал, как отпускает плечи напряжение, кото-

рое он держал последние несколько часов.

На кровати у стены сидел Лейтан, мальчик лет восьми. Он смотрел на гостя большими любопытными глазами, даже не притворяясь спящим.

Гарольд закрыл дверь, отложил молоток и гвозди на полку у входа, вытер руки о ветошь.

– Садитесь, – сказал он, кивнув на стол. – Раз уж пришли.

Снаружи уже завывал ветер, и стены дома начали вздрагивать от первых, ещё робких, но злых порывов бури. Рион сел за деревянный стол. Мира поставила перед ним кружку горячего травяного чая – поставила так, словно отрезала от собственного сердца, но сделала это молча. Гарольд сел напротив, ещё раз вытер руки и пристально посмотрел на гостя.

Лейтан, всё ещё не сводивший с Риона любопытных глаз, по приказу матери нехотя забрался под одеяло, однако по напряжённой спине было видно, что он продолжает прислушиваться к каждому слову.

Рион сделал глоток. Тепло разлилось по груди, и усталость тут же навалилась на плечи, заставляя тело просить отдыха. Он не спал уже двое суток, каждая мышца ныла, но он заставил себя выпрямиться. Пусть буря беснуется снаружи – он внутри, в сухости и тепле. И самое странное – он почти не боялся. Ещё месяц назад, окажись он в такой ситуации, он бы в ужасе прислушивался к каждому скрипу, гадая, выдержит ли крыша. Но сейчас ему было всё равно. Логических

причин для этой уверенности не было, но он твёрдо знал, что судьба, приведшая его в этот дом, не даст ему здесь погибнуть.

Рион понимал, что если сейчас напрямую попросить приютившую его пару принять ребёнка и поискать ему новый дом, они и слушать не станут. Нужно устроить всё так, чтобы они *сами* захотели забрать мальчика. В конце концов, он не собирался путешествовать с чужим ребёнком, которого лишь вынес из леса, полного монстров, из каких-то гуманистических соображений.

Вот только как подступиться к такому делу, он пока не знал. Рион поставил кружку и выпрямил спину, пытаясь сосредоточиться. И тут его посетило странное, почти пугающее прозрение. Он вдруг спросил себя, что бы посоветовала в этой ситуации *Судьба*. Вот бы сейчас подбросить монетку... только хозяева заметят.

С удивлением он отметил, что, по сути, ведёт себя как адепт какого-нибудь внешнего культа, коих множество за пределами Башни. В самой Башне всегда иронизировали над людьми, которые делают что-то не из расчёта, а из слепой веры. И вот он, рациональный лаборант, внезапно стал одним из них. Он задался вопросом, каждый ли на его месте создал бы для себя такую веру и стал бы советоваться с удачей при каждом удобном случае. Вполне возможно. Ведь всем хочется знать, какой путь самый простой и эффективный.

– Откуда же вы на нас свалились, мил человек? – нарушил

тишину Гарольд.

– Если говорить начистоту, я родился в Башне, – произнёс Рион ровным голосом, решив не сопротивляться тому, как начала развиваться ситуация. Раз судьба привела его в этот дом, не стоит скрывать информацию. Если спрашивают – он расскажет всё как на духу. – Родителей помню смутно. Они были увлечены магией, жили на другом этаже и редко ко мне заглядывали. Из детства остались только гул левитационных контуров в стенах да холодный свет кристаллов в коридорах.

Лиц родителей он почти не помнил, и эта мысль сейчас даже не задела.

Гарольд хмыкнул, покачивая головой. Было видно, что он, как и большинство простых людей, представлял жизнь в Башне совсем иначе.

– Да, не повезло тебе. А я всегда думал, что у вас там, в Башне, одно сплошное согласие. Маги живут, носу наружу не кажут – значит, всё у них ладно.

– Десять лет я проработал лаборантом на нижних ярусах, – продолжил Рион. – Смешивал реактивы, чистил кристаллы, сводил отчёты. К настоящей магии это почти не имело отношения – так, черновая работа. Но именно в этом я со временем стал хорош: отчёты у меня выходили аккуратнее, чем у других, кристаллы после моей чистки светили ровнее. Однако похвалы или какого-то признания я так и не дождался. Зато моё начальство успело нагреть руки.

Он говорил это и удивлялся себе. Ещё месяц назад он бы

никогда не рассказал незнакомцам про присвоенные отчёты, про десять лет в тени. Но то, что привело его в этот дом, не оставляло сомнений – он доверял этому. Если судьба хотела, чтобы он говорил, значит, так нужно.

Мира покачала головой, и в её взгляде мелькнуло искреннее сочувствие.

– Десять лет – это много. Я бы на твоём месте не выдержала, – тихо произнесла она.

Ему хотелось сказать что-то колкое. За десять лет в Башне он научился отвечать на подобное сочувствие едким сарказмом – это была его привычная защита. Но внутри тут же возникло тихое, ясное чувство: *не надо*. Судьба подсказывала, что сейчас нужно не защищаться, а быть открытым. Она привела его сюда, чтобы он говорил, а не отгораживался. Он помолчал, позволяя горечи отступить, и впервые за десять лет не стал держать оборону. Это было странно, почти непривычно, но – правильно.

– Мои идеи присваивал магистр Валериус, мой непосредственный начальник, – произнёс Рион, и в голосе его мелькнула едва заметная дрожь. – С такой раздражающей бородкой, какую и представить сложно. Он поднимался на верхние ярусы, получал овации за открытия, которые на самом деле сделал я. А я оставался незаметным работягой, чьё имя никто даже не помнил.

Гарольд нахмурился и подался вперёд.

– И ты терпел это десять лет? – спросил он недоверчиво.

– Он брал мои отчёты, переписывал их от руки и ставил свою подпись, – пожал плечами Рион. – Я привык к этому. Десять лет – привыкаешь ко всему.

Гарольд хмыкнул и почесал затылок – его, видно, больше всего поразило именно слово «десять». Для него, который каждый день латал крышу и замазывал щели, такой срок покорного терпения казался немыслимым.

– Выходит, ты не просто сбежал – тебя и правда выжили оттуда. А чего ж ты раньше не ушёл? Неужели так и терпел?

Рион пожал плечами. Вопрос был справедливый, и он сам задавал его себе не раз.

– В Башне нас учили, что за стенами – одни проблемы, – ответил он. – Голод, болезни, монстры... Поэтому большинство и не высывались. Нам даже читали книги про отважных воинов, которые собирались в группы, куда-то шли, побеждали каких-то злодеев, обязательно волшебников в чёрных балахонах. Забавное чтиво, но не более того, говорили нам. На самом деле, у большинства людей за пределами Башни проблемы такие, у которых нет лица, которому можно вмазать. «Безликие проблемы». Голод, болезни, бедность, бури, как сегодняшняя. Такие проблемы не решить, собрав отряд весёлых героев. Про эти проблемы можно лишь ненадолго забыть, читая истории про них.

До Гарольда дошло, что слова Риона попали в самое больное. Для него, который каждый день боролся с ветхостью дома и скудостью жизни, «безлика проблема» была не теори-

ей, а повседневностью.

– Это верно, – тихо сказал он. – Вмазать и правда некому. А герои – они в книжках. У нас таких не водится.

Мира кивнула. Её взгляд задержался на Рионе дольше, чем нужно. Выражение «безликая проблема» явно попало ей в самое сердце, дав имя тому, с чем она боролась каждый день, не давая дому рассыпаться.

– Мудрость из Башни, – прошептала она. – Я запомню.

Рион усмехнулся про себя – разболтался как на докладной. В Башне он бы никогда не позволил себе такого, там над теми, кто рассказывал о себе незнакомцам, только иронизировали.

Он поймал себя на странной мысли: а как бы он повёл себя в этом доме, если бы не это странное везение? Заплатил бы небольшую сумму за ночлег. Слушал хозяев из вежливости, но ничего не рассказывал бы о себе. Боялся бы бури и не спал бы всю ночь. Но сейчас он делал всё иначе – потому что обстоятельства привели его сюда. А раз так, значит, нужно плыть по течению. Не сопротивляться. И если спрашивают – говорить всё начистоту.

Неизвестно, почему это срабатывало, но факт оставался фактом. Хозяева узнали о нём немного больше, и вскоре он сможет сказать им, что зашёл к ним в дом со скрытыми мотивами.

Затем Рион перешёл к рассказу о побеге. Он объяснил, что та самая группа учёных, с которыми он десять лет ва-

рил реактивы в забытых этажах Башни, решила организовать своё дело. Эксперимент, который в Башне было не проверить – высшие маги не дали бы разрешения. Группа задумала сбежать, и люди были настроены серьёзно. «Нужно выйти на свежий воздух», – как однажды выразился один из заговорщиков. Рион примкнул к ним, чтобы выбраться на свободу и наконец получить признание.

Десять лет в тени не могут считаться жизнью. Лучше рискнуть и вырваться, чем сгнить в подвалах Башни, сводя чужие отчёты. Рион сжал пальцы на колене, чувствуя, как ногти впиваются в ткань штанов. Он вспомнил, как в Башне его руки пахли реактивами и пылью кристаллов. Сейчас они пахли лесом, потом и кровью – но это был *его* запах. Запах человека, который наконец живёт свою жизнь, а не чужую.

Он вкратце обрисовал план: бежать в Шепотный лес, построить лагерь, провести эксперимент, сулящий крупное научное открытие. На этом он остановился – чем меньше будет сказано про сам эксперимент, тем лучше. Хозяева и так напуганы бурей, не стоит добавлять им поводов для тревоги. Рион добавил, что планировал отделиться от группы перед началом их чересчур амбициозного опыта, уйти в крупный город и прославиться своими навыками. Учёные не пытались его остановить – они понимали, что их выбор преследовать знания, несмотря на риски, не самый очевидный.

Гарольд подался вперёд, в его глазах зажглось любопытство. Его явно зацепило, что Рион не был на поляне во время

самого эксперимента.

– А где сейчас остальные-то? – спросил он. – И почему ты с этим младенцем здесь? Мог бы и бурю там переждать, в лесу всё же сподручнее, чем в городе в такую погоду.

Рион понял, что вопрос Гарольда даёт ему возможность объяснить, почему он вообще здесь. Сейчас или никогда. Если сказать правду, они поверят – правдой проще всего объяснить его появление. Но если переборщить с деталями про эксперимент, они могут решить, что он замешан в случившемся. Внутреннее чутьё подсказывало говорить честно, но только то, что необходимо. Он кивнул сам себе, решив довериться этому чувству.

– Они погибли, – ответил Рион, понижая голос и глядя в кружку. Он обвёл пальцем трещину на ободке, словно это была карта, по которой он не хотел идти. – Все, кто стоял близко к алтарю, исчезли в тот же миг.

Он не поднял глаз. Гарольд и Мира переглянулись – быстро, почти незаметно, но Рион это уловил. Они явно не ожидали такого поворота и теперь пытались понять, что делать дальше – сочувствовать ему или держаться подальше. Что-то подсказывало ему их реакцию – он читал их лица, как открытую книгу.

Рион принялся описывать лагерь, чтобы раскрыть контекст. Простецкие домики на поляне в Шепотном лесу, запасы припасов, места для работы, костры, чертежи алтаря... Они жили там почти полгода, все были одержимы одной иде-

ей. Как только группа оказалась в лесу, он объявил, что поживёт в лагере, но участвовать в ритуале не будет. Он хотел дистанцироваться от эксперимента, потому что чувствовал: что-то пойдёт не так. Эксперимент требовал подготовки – они собирали алтарь, проводили расчёты, заготавливали материалы, трудились день и ночь. Он всегда знал, что в день ритуала будет держаться от возводимой ими штуковины на почтительном расстоянии.

Рион признался, что сам участвовал в строительстве алтаря, помогал с организацией – он хотел быть честным с хозяевами. Но сразу добавил, что никогда не планировал быть рядом во время активации. Пробуждённая учёными магия могла оказаться смертельной, и он это понимал. Именно поэтому он держался в стороне.

– То есть ты, выходит, помогал строить то, что всех убило? – спросила Мира, и в голосе её прозвучало обвинение.

Рион увидел, что она ищет в произошедшем его вину. Хотя он не подал сбегавшим учёным ни одной идеи и не уговаривал их рисковать. Внутри поднялась глухая защита, привычная и выработанная за десять лет в Башне, где каждый его шаг разбирали под микроскопом.

– Они были осведомлены о рисках, – возразил он ровно, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Они шли на это сознательно. И главное – сделали бы всё и без меня. – Он помедлил, выбирая главный аргумент, который должен был снять с него подозрения. – А этот парень в корзинке наверняка по-

гиб бы вместе со всеми, если бы не я.

Рион пояснил, что среди исследователей была пара с маленьким сыном – Корбином. Как и почти все в Башне, супруги были одержимы знаниями и готовы рискнуть жизнью ради открытий. Они верили, что их гений защитит и их самих, и мальчика. Родители Корбина понимали риск, но считали, что, если сын разделит их судьбу, какой бы она ни была, это не такая уж плохая идея. Однако они также придумали и второй вариант – поручить кому-то вывезти мальчика с поляны на время эксперимента.

После некоторых споров они всё же решили передать Риону корзину с ребёнком перед самым ритуалом и попросить отвезти сына в безопасное место. Рион выполнил их просьбу и вынес Корбина из леса. Но он не обещал растить его как своего сына, и хотел, чтобы приютившие его хозяева поняли: он не отец этого ребёнка и не собирается им становиться. Он лишь выполнил просьбу коллег. В Башне к детям относились иначе, считая их будущими сотрудниками, а не смыслом жизни. Родители Корбина всего лишь жили по тем правилам, что знали. Ребёнок – это продолжение рода, а не центр вселенной.

Гарольд покачал головой – его, видно, больше всего поразило, что родители отдали ребёнка чужому человеку. Для него, который каждый день чинил этот дом ради сына, это было немыслимо.

– Отдать ребёнка чужому – это как-то странно, разве нет?

– спросил он, и в голосе его звучало искреннее недоумение.

Ему не понять, – подумал Рион, и внутри поднялась тупая досада. Причём не на Гарольда, а на саму ситуацию, в которой ему приходилось объяснять очевидные вещи. В Башне все были чужими друг другу. Они не были семьёй.

– Они знали, что я не буду участвовать в ритуале, – ответил Рион, выбирая самый короткий путь объяснения. – Я был единственным, кто мог отнести их сына в безопасное место. Им нужен был тот, кто выживет, а не тот, кто будет рисковать вместе с ними.

Гарольд качнул головой, но ничего не сказал – по всему выходило, что он понял: переспорить Риона, ещё живого по башенной логике, ему не удастся.

За окном ветер снова ударил в стены, и дом жалобно скрипнул. Рион перевёл взгляд на корзину, где мирно посапывал Корбин. Скрип дома напомнил ему о том, как хрупок этот ночлег. Скоро он так или иначе выполнит просьбу родителей, подумал Рион. Ребёнку будет лучше с хорошей семьёй, а не с вечно кочующим лаборантом, который и сам не знает, где окажется завтра. Тогда ничто не будет мешать ему путешествовать по стране в поисках признания и славы, которых его так долго лишали.

Он медленно поднял глаза от кружки, глядя в тёплый полумрак чужого дома, и тихо добавил:

– И всё же... я был там. Когда они активировали алтарь, я видел всё.

Глава 4

Мира прижала ладонь к груди. Голос её дрогнул, и в глазах читалось не столько осуждение, сколько глубокое непонимание. Её потрясло не чудо его спасения, а то, как именно он выжил. Он остался жив, тогда как все остальные погибли, и он стоял и смотрел.

— И ты стоял и смотрел? — переспросила она.

«Она думает, что я мог что-то сделать», — понял Рион. Ему казалось, будто Мира ждёт от него рывка на помощь коллегам. Если бы не невероятное везение, он предпочёл бы вообще не вспоминать об этом эпизоде. Но после эксперимента на поляне его жизнь изменилась навсегда. Изменилась сама логика принятия решений. Теперь он твёрдо верил: удача вытащит из любой передраги.

— Помочь им было невозможно, — ответил он, стараясь говорить ровно. — Они сами этого хотели. Некоторые маги Башни ради знаний готовы отдать жизнь, лишь бы перед смертью получить ответы.

— В это сложно поверить, — прошептала Мира.

— Разве? — удивился Рион. — Как часто прохожие спрашивают мага: «А как это работает, объясни»? Даже обычные люди жаждут магических знаний. Они требуют ответов, но не осознают, что те не валяются на дороге. За них платят потом и кровью.

Он замолк, и в памяти всплыли детали, которые он старался не вспоминать. От алтаря хлынули лиловые, пульсирующие волны магии, лишённой жизни. Воздух стал густым, пахло озоном и палёной травой. Этот оттенок фиолетового он не забудет никогда. Маги падали один за другим, их тела сводило в конвульсиях. А он стоял на краю поляны, у лагерь, чувствуя, как ослабшая от расстояния энергия проходит сквозь него, не убивая.

Рион признался, что его охватил ужас, когда волна накрыла исследователей, но предпринять ничего он не мог. В тот миг он думал только о том, чтобы дерзкий эксперимент не задел и его. Когда же он осознал себя в безопасности, паника отступила.

После вспышки света наступила абсолютная, звенящая тишина. На какое-то время он потерял сознание, а когда пришёл в себя, алтарь был выжжен, а из учёных не осталось никого. Мир словно замер. Он оказался один среди пепла и пустоты. И вдруг осознал, что уцелел. Теперь он принадлежал сам себе.

Рион намеренно сменил интонацию, закончив рассказ о ритуале сухо, почти казённым тоном. Уцелел потому, что стоял на периферии, и магия задела его недостаточно сильно. Он уже понимал, что в истории есть нестыковка. Если он так старался держаться подальше от алтаря, почему оказался рядом? Ответ он оставил при себе — если только Мира или Гарольд не спросят напрямую.

Заметив, как взгляд Миры снова метнулся к корзине, он поспешил добавить, что Корбин был в куда большей безопасности.

— Я оставил его в укрытии, в лесу, ещё до того, как маги начали ритуал. Он был далеко от алтаря. Поэтому и уцелел.

Мира слегка расслабилась, плечи её опустились. Материнский инстинкт взял верх над страхом перед чужаком.

— Похвально, что вы позаботились о младенце, — тихо произнесла она, и в голосе впервые за вечер прозвучала искренняя теплота.

— Я вынес его из леса, — отозвался он. — Но воспитывать детей не умею.

— Никто поначалу не умеет, — спокойно сказала Мира. — Пока ребёнка нет, откуда этому умению взяться? На первенце и тренируются.

— Да и желания нет, если честно, — продолжил Рион. — Может, когда-нибудь потом, но не сейчас. Я принёс его в этот город, чтобы отыскать ему хороший дом. Этим я и занимался, пока буря не накрыла нас всех.

— Значит, ребёнка ждёт усыновление, — уточнил Гарольд. — Может, вам стоит обратиться к местным магам за помощью? Всё же он сын обитателей Башни, это что-то да значит.

— Была такая идея, — кивнул Рион, чувствуя, что крючок заброшен. — Но я беглец, если вы помните. Мне лучше не показываться им на глаза.

Мира подалась вперёд. Её защитный инстинкт окончательно перешёл на сторону младенца.

— Вы можете обратиться к местному мэру, его связи будут весьма кстати.

— Я только пришёл в этот город и никого тут не знаю, — честно ответил Рион. — Даже вашей фамилии, если на то пошло.

— Вейл. Будем знакомы, — сказал Гарольд, на что Рион ответил лёгким кивком.

— Я рад, что у вас есть идеи. Как только ветер...

Словно услышав его слова, буря резко усилилась. Шквальный порыв сорвал одну из недавно заколоченных досок — та с треском ударилась о стену снаружи. Буря будто ждала этого момента, чтобы напомнить о своей мощи. Хозяева вздрогнули. Гарольд приложил ладонь к стене, словно пытаясь успокоить напуганного жеребца.

В голове Риона промелькнула совсем иная мысль. Буря, сдирающая крыши, — идеальный кадр для меморикса. Такие записи не продают, их выставляют на торги.

Стены заходили ходуном. С потолка посыпалась труха, половицы застонали. Ветер сотрясал дом с такой силой, что пакля и солома, которыми Гарольд ещё осенью законопатил щели между брёвнами, не выдержали и посыпались на пол мелкой трухой. Теперь сквозняк гулял по избе, задувая свечи и выстуживая воздух. Мира вскрикнула и прижала к себе Лейтана. Гарольд рванул мальчика за руку и потащил под

тяжёлый дубовый стол, а Мира, одной рукой прижимая сына к полу, другой уже тащила корзину с Корбином к несущей стене.

Рион не сдвинулся с места. Он достал меморикс и, прищурившись, навёл линзу в щель между брёвнами. Ветхая изба тряслась, но объектив оставался неподвижен. Такая запись в столице стоила больше, чем всё, что он когда-либо зарабатывал в Башне. Пусть столичные маги увидят: он не из тех, кто теряет голову.

За окном раздался оглушительный скрежет металла. Огромный лист кровельного железа, сорванный с крыши рафинерии «Болден», пролетел над улицей и с грохотом рухнул прямо перед домом Вейлов. Скрип потолка и дрожание стен мгновенно прекратились.

Тогда никто не знал, что этот щит не был случайностью. Лишь долгие годы спустя станет ясно, что на крепления крыши рафинерии воздействовала некая магическая сила. Они и без того проржавели почти полностью, и ветер довершил бы своё дело в ближайшие минуты. Сила не разрушила того, что не разрушилось бы само, — она лишь ускорила неизбежное и направила падение тяжёлого листа так, чтобы он встал ровно перед домом её владельца, приняв удар стихии на себя.

Лист встал вертикально. Ветер, ударившись о препятствие, разделился на два потока, огибая дом слева и справа. Пыль, поднятая падением, медленно оседала на мокрую

землю. Где-то вдалеке застонала сорванная вывеска.

Это не случайность, тут же понял Рион, вспомнив всё, что произошло с ним сегодня. Вот как судьба — или тот, кто её направляет, — оберегает его. Пока что он движется верным курсом. Кто же теперь не поверит, что он принёс сюда везение? Осталось грамотно использовать этот аргумент, и Вейлы сами возьмутся за поиск дома для ребёнка, а он сможет отправиться в столицу уже утром.

Гарольд первым подошёл к окну, приник к узкой щели между досками и с облегчением выдохнул:

— Ну, слава богам, целы! Только я ничего не вижу.

Мира оторвала ладони от корзины, перевела взгляд с мужа на Риона, потом на спокойно спящего Корбина. Ребёнок даже не проснулся. Она помедлила, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя.

— Вот у кого вообще нет проблем, — тихо произнесла она. — А ведь обычно судьба детей не щадит, как бы нам этого ни хотелось.

Рион заметил, как её взгляд задержался на ребёнке дольше, чем нужно. Похоже, она сделала какие-то выводы.

Супруги переглянулись.

— Господин Рион пришёл к нам прямо перед бурей, — сказал Гарольд. — Выбрал наш дом из всего города. И, как видите, мы уцелели — единственный дом на всей улице. Ты не находишь, что это странное совпадение?

— Слишком много совпадений, — согласилась Мира. —

Одно за другим. Как будто кто-то вёл тебя сюда.

— Судьба, — сказал Гарольд. — Или везение. Что-то из этого.

— Посмотри на него, — Мира указала на Риона. — Да не обидится господин маг, но он грязный, мокрый, бледный, руки дрожат. Он едва стоит на ногах. Если кому-то везёт, они обычно выглядят не так.

— Точно тебе говорю, — настаивал Гарольд. — Тут или магия, или невероятное везение, а может, и то и другое. Да и какая между ними разница? Что скажете, господин маг-исследователь?

— И вправду нам всем сегодня повезло, — кивнул Рион.

Гарольд перевёл взгляд на корзину. Корбин лежал под чистым одеяльцем, спокойный, будто бури и вовсе не было. Мужчина потянулся было к ребёнку — то ли коснуться его, то ли проверить, реален ли он. Им овладело странное чувство благоговения перед этим маленьким существом, которое, как он верил, спасло их дом. Но Мира перехватила его руку — мягко, но твёрдо. Гарольд замер, понимая, что она тоже чувствует: к ребёнку нельзя прикасаться без нужды, как к обычной вещи.

— Малыш, — медленно пробормотал он, не отводя взгляда от корзины. — Это он приносит удачу. Он нас сегодня спас.

— Простите, господин исследователь, — заметила Мира, — но, глядя на вас, не скажешь, что вы такой уж везучий

человек. Сегодня вы многое пережили, но и вид у вас соответствующий. Если удача была с вами, почему вы выглядите так, будто она вас бросила?

Хозяйка ошибается, подумал Рион. Разговоры о том, будет ли удача у ребёнка, а не у него, — это лишь удобная выдумка. Эта удача была его, потому что так справедливо. Он долго готовился, чтобы её получить, выверял каждый шаг, выстраивал планы и работал на износ. Раньше его постоянно обворовывали, отнимая плоды его трудов, но теперь всё иначе. Это должен быть его первый проект, который никто не украдёт. Должно же когда-нибудь получиться оставить себе все итоги своей вполне честной работы.

Но спорить он не собирался. Наоборот, если Мира верит в везение ребёнка, это отлично сработает ему на руку. Вот шанс всё устроить: убедить их не просто оставить его и Корбина на ночь, а всерьёз заняться поисками для малыша нового дома.

— Со стороны, наверное, виднее, — бросил Рион уклончиво, стараясь, чтобы голос звучал скромно.

Он не считал это ложью. Он лишь аккуратно смещал акценты, позволяя Вейлам самим сделать нужные выводы. В конце концов, удача сопутствовала ему с тех пор, как он взял Корбина из того лагеря. Разве это не достаточный повод для веры?

И он принялся рассказывать о событиях, произошедших после того, как он оказался в безлюдном лагере. Он говорил

о знаках, которые не давали ему ошибиться: на развилке упало большое дерево, перегородив путь в столицу, и пришлось свернуть в Уэстенд. В лесу удача снова проявилась явно — он повстречал редкий магический гриб, один лишь снимок которого стоил немалых денег.

Гарольд подался вперёд:

— И как, вышло?

— Увы, нет, я запнулся и упал, — отозвался Рион с лёгкой иронией. — Но встретить такой гриб — большая удача. Если бы не моя неуклюжесть...

Затем он описал четырёх магических тварей — паука-корневище, сонную змею, крадущую тень и имитатора детского плача. Ни одна не напала на него. Корзинка их словно отпугивала, будто судьба ребёнка распространялась и на него, создавая невидимый щит. Его новое чутьё подсказывало, что ситуацию нужно подать именно так.

Рион достал меморикс, переживший всё путешествие, и показал Вейлам чуть грязные, потрескавшиеся края корбочки.

— Вот, смотрите, — бросил он, протягивая прибор Гарольду. — Там записаны все эти встречи. А первый, самый важный кадр, я сделал ещё до выхода из лагеря. Такое местным магам даже не снилось.

Он уловил, что Вейлы уже готовы поверить в силу удачи. Новое чутьё подсказывало, что наступил решающий момент. Пора было переходить к главному. Корбина он оставить у

себя не мог — ведь впереди его ждали слава и признание в столице.

Гарольд нахмурился, обдумывая услышанное. Он почесал затылок, и в его глазах появилось то самое выражение, которое бывает у человека, когда он наконец складывает в голове разрозненные кусочки.

— Подожди-ка, — сказал он медленно. — Ты говоришь, удача вела тебя через лес, спасала от тварей, указывала путь. Но почему она привела тебя именно к нашему дому? В городе есть рафинерия, дом мэра — богатые места. Там бы ребёнку было лучше. Почему удача не пустила тебя туда?

Рион пожал плечами.

— Честно? Не знаю. Я сам удивился. Пытался подойти к рафинерии — ветер оттолкнул. Пошёл к мэру — снова ветер и пепел в лицо. А потом луч солнца ударил прямо в ваш дом. Я думал, удача ошибается. Но знаки не подводили, и я решил довериться.

Он помолчал, потом добавил:

— Может, она хотела, чтобы я быстрее пристроил ребёнка и отправился дальше. Не знаю.

Мира покачала головой, и в её глазах появилось понимание.

— Нет, — сказала она тихо. — Ты не понимаешь. Удача не просто так выбрала наш дом.

Она посмотрела на Гарольда, потом снова на Риона.

— Когда ты шёл к местным богатым, ты думал о се-

бе в первую очередь. Хотел получить мягкую кровать, еду повкуснее, может, деньги за кристаллы. Ты, поди, думал: «Здесь ребёнку будет нормально, а я смогу как шикарно отдохнуть».

Рион нахмурился, но не перебил.

— Но в богатом доме, — продолжала Мира, — малыша могли бы использовать. Если бы богач узнал о даре ребёнка, наверняка попытался бы заработать на этом. Ребёнок жил бы как слуга, а не как сын. А маги... — она поморщилась, — маги известны тем, что любят ставить эксперименты, и тут всё могло сложиться ничуть не лучше.

Гарольд кивнул, подхватывая мысль:

— Удаче важно не богатство, которое ребёнок может получить, а забота. Чтобы он попал к порядочным людям. Малышу нужна семья, которая его полюбит, а не использует.

Рион смотрел на них, и в его глазах было искреннее удивление.

— Вы правда так считаете? — спросил он тихо. — Что удача выбирает не богатых, а... хороших людей?

Он посмотрел на корзину, где спал Корбин.

— Тогда получается, она привела меня сюда, потому что вы... порядочные.

Гарольд усмехнулся, но в его усмешке не было насмешки.

— А ты-то сам разве не порядочный? — спросил он. — Ты прошёл через лес с младенцем на руках. Десять лет терпел унижения в Башне, но не озлобился. Не бросил ребёнка, хотя

мог бы — никто бы не осудил. Удача не против того, чтобы ты вовсе никому его не отдавал. Может, ты и есть тот самый порядочный человек, которого она искала?

Рион помнил, что разговоры о том, будто удача у ребёнка, а не у него, — это лишь удобная выдумка. Удача точно была у него, потому что это попросту справедливо. Он долго готовился, чтобы её получить, выверял каждый шаг, выстраивал планы и работал на износ. Раньше его постоянно обворовывали, отнимая плоды его трудов, но теперь всё иначе. Это должен быть его первый проект, который никто не украдёт. Должно же когда-нибудь получиться оставить себе все плоды своей вполне честной работы.

Но слова Гарольда заставили его задуматься.

«Как бы выглядела моя жизнь с малышом? — мелькнуло у него. — Наверно, не так плохо. Я бы научился его воспитывать. Нашёл бы работу в столице или даже в этом городке, снял дом...»

Но тут же перед глазами возникло лицо Валериуса — высокого мужчины с аккуратно подстриженной бородкой, который присваивал его открытия. И остро почувствовал, как ему хочется быть одному. Совершенно одному. Ни перед кем не отчитываться. Всю славу и деньги оставлять себе.

«Могу я пожить один хоть немного? — подумал Рион. — В конце концов, я десять лет терпел. Я заслужил».

Рион помолчал, обдумывая услышанное. Потом покачал головой.

— Я не могу его оставить, — сказал он тихо. — У меня другие планы. Я не готов...

Он не договорил, но Вейлы поняли.

— Вижу, — кивнул Гарольд. — Но всё же...

— Раз уж вы считаете, что малыш вас защитил, — настойчиво произнёс Рион, глядя им в глаза, — так оплатите ему добротой. Найдите ему хорошую семью в этом городе. В конце концов, вы тут всех знаете, а не я.

Гарольд и Мира обменялись взглядами, отошли в угол и зашептались, бросая короткие взгляды то на Риона, то на корзину. Он подумал, что в других обстоятельствах ждал бы их решения, затаив дыхание, но сейчас так вымотался, что лишь смиренно сидел на стуле, без единой мысли разглядывая стену. Удача должна была сделать своё дело так или иначе.

В этот момент за окном что-то грохнуло — буря снова усилилась, но стальной щит, оберегающий дом Вейлов, держался уверенно.

— Мы поможем подыскать дом для мальчика, — проговорил Гарольд, возвращаясь. — Но ты, мил человек, посмотри на себя. Ты такой бледный, еле на стуле сидишь. Может, оставишь его себе? Везение малыша уже помогло нам всем — наш дом уцелел благодаря ему. Глядишь, и тебя подлечит.

«И как же теперь отказаться от этого щедрого предложения?» — подумал Рион с усмешкой. Сам намекнул им на то, что ребёнок приносит этот странный дар, а теперь не отступать же от своих слов.

— Нет, это не для меня, — отрезал он. Голос его прозвучал ровно, но пальцы на колене сжались так, что побелели костяшки. — У меня другие планы. Хочу отправиться в столицу, а по дороге, кто знает, где буду спать и что есть.

Гарольд не стал отвечать сразу. Помолчал, разглядывая Риона, потом медленно кивнул. Мира, поняв, что муж затекает что-то серьёзное, тихо вышла, прихватив с собой спящего Лейтана.

Гарольд наклонился вперёд, положив локти на колени.

— Послушай меня, — начал он тише обычного. — Я понимаю про столицу. Но я хочу, чтобы ты ещё раз подумал. Скажи честно: тяжело тебе было с ним в лесу? Пелёнки менять приходилось? Кормить было чем?

Рион пожал плечами.

— Особо не почувствовал. Уставал, да. Пелёнки менял, ребёнок иногда плакал, но не настолько громко, чтобы тварей привлечь. Всё было — и я со всем справился.

— Вот и я о том же, — Гарольд кивнул, и в глазах его мелькнуло что-то похожее на торжество. — Если осилил это, остальное куда проще. Удача у вас с малышом есть — значит, будут и деньги. Снимешь дом, наймёшь няnek, воспитателей. Не обязательно всё делать самому. Главное — вам обоим сопутствует успех. А менять то, что работает, — себе дороже.

Рион сжал пальцы на колене.

— Я хочу начать строить карьеру в столице. Как можно

быстрее. В Башне, где я работал, магистр присваивал мои заслуги. Десять лет. Я хочу ему отомстить. Не напрямую — это не в моих правилах. А обустроив свою жизнь наилучшим образом. Прославившись. Чтобы он увидел моё имя и понял, кого обокрал.

Гарольд помолчал, переваривая. Потом медленно кивнул.

— Понимаю тебя. И поддерживаю — справедливость восстановить стоит. Но, может, проще забыть эту обиду? Живи здесь, воспитывай ребёнка. Заодно сходишь к магам, спросишь, что у тебя со здоровьем. С бытом никаких проблем не возникнет, ведь так. Ты просто не хочешь.

Рион посмотрел на него, и в глазах мелькнуло что-то — не злость, скорее усталость.

— И правда, с бытом проблем не возникнет, — сказал он тихо. — Но я не хочу. Не люблю менять планы. И магистр меня достал куда сильнее, чем можно подумать. Хочу прославиться — так я восстановлю справедливость к себе. Остальное меня сейчас не интересует.

Гарольд долго смотрел на него. Потом медленно склонил голову.

— Я сделал всё, что мог, — сказал он. — Больше уговорить тебя не выйдет.

— Не выйдет, — подтвердил Рион.

Гарольд поднялся и протянул руку.

— Тогда прощай, Рион. Удачи тебе в столице.

Рион пожал ему руку — крепко, коротко.

— И тебе. Спасибо за ночлег. И за то, что найдёте мальчику дом.

— Найдём, — кивнул Гарольд. — Не сомневайся.

Рион вышел. Гарольд остался стоять посреди кухни, глядя на закрытую дверь. Мира вернулась, посмотрела на мужа вопросительно.

— Не удалось, — тихо сказал он. — Не хочет его оставлять.

— Жаль. — Мира покачала головой. — Но, может, оно и к лучшему. Так малышу будет надёжнее, чем с человеком, который его не хочет.

Гарольд кивнул, но в груди осталось странное, тяжёлое чувство. Он не мог понять — правильно ли они поступили, попытавшись отговорить Риона, или просто не сумели его переубедить.

Ночь тянулась медленно, отмеченная лишь треском поленьев да редкими ударами ветра. Вейлы уложили Риона на лавке у печи. Он разглядывал, как огонь пожирает дерево, и обдумывал планы. Завтра он уйдёт из этого городка. Нужно добраться до столицы — пешком или на попутном зеннатском грузовозе. На поясе — меморикс с записями тварей и бури.

Если он найдёт торговца с декодером, покажет кристаллы и получит столько денег, что вряд ли сможет всё унести, — о нём заговорят. Его имя должно попасть в столичные новости, а не быть записанным в одной из ветхих книг учёта пер-

сонала Башни. Главное — не сбиться с тракта и не застрять в размытой колее. Плащ к утру подсохнет, сапоги выдержат. Тепло от печи приятно согревало спину, а запах дыма смутно напоминал о лаборатории в Башне.

Буря постепенно стихала. Ветер, ещё час назад сотрясавший стены, теперь лишь едва слышно постанывал в щелях. Дождь перестал барабанить по крыше.

К утру ветер утих совсем. Из-за разорванных туч пробился тусклый, но чистый рассветный свет. Дом перестал дрожать, стало тихо — только редкие капли срывались с карниза и падали на мокрую землю.

Буря позади. Гарольд дал слово помочь отыскать дом для Корбина, и Рион решил, что этого достаточно. Теперь ничто не мешает ему идти к столице и начинать там новую жизнь. В этот раз — без начальников, присваивающих все его труды.

Рион бережно убрал меморикс за пазуху, поправил плащ, который за ночь почти высох у печи. Сапоги он поставил сушиться к огню ещё с вечера — кожа потрескалась, но держалась. Он наклонился, стянул их с подставки у печи и начал неспешно шнуровать, обдумывая маршрут.

Затем выпрямился, отряхнул одежду и кивнул Вейлам, стоявшим у печи.

— Благодарю за ночлег и кров, — произнёс он, подходя к двери. — На этом мы расстанемся, хотя, возможно, вы ещё обо мне услышите.

Он обернулся — быстро, словно хотел что-то добавить,

но слова застряли в горле. Мира стояла у печи, прижимая корзину к груди так, будто боялась, что он передумает и заберёт её.

Супруги поблагодарили его в ответ, а Гарольд протянул мешочек с деньгами, ничуть об этом не жалея. Рука его на мгновение задержалась в воздухе — он смотрел на Риона так, словно хотел спросить что-то важное, но не решился.

Рион кивнул и вышел, не оглядываясь.

Глава 5

Влажный послегрозовый воздух ударил в лицо, и Рион глубоко вздохнул, чувствуя, как лёгкие наполняются прохладой после душной духоты дома, где он провёл всю ночь. Город лежал в руинах: повсюду валялись сорванные крыши, разбитые стёкла и снесённые заборы, а мокрые мостовые были усеяны мусором, который ветер разбросал по округе, словно играя в жестокую игру. Рион медленно обвёл взглядом окрестности и с удивлением отметил, что из всех домов уцелел лишь тот, из которого он только что вышел, — и это казалось почти невероятным.

Корбин остался в тёплом доме под присмотром Миры и Гарольда, а Рион снова был один, наедине с собой и своими планами, которые вынашивал ещё в Башне. Впервые за всё путешествие эта мысль не принесла облегчения. Где-то в глубине души шевельнулось странное, почти чужое чувство, похожее на тоску. Рион предпочитал его не замечать, потому что оно мешало сосредоточиться на главном. И всё же плечи распрямились сами собой, будто с них сняли невидимый груз, давивший все эти дни, пока он нёс корзину с младенцем через полный опасностей лес. С корзиной в руках он был словно прикован: каждый шаг приходилось рассчитывать, каждую кочку — обходить, каждую минуту — прислушиваться, не заплакал ли ребёнок, не замёрз ли, не проголо-

дался ли. Это постоянное напряжение изматывало до предела. Он не спал ночами, боясь его разбудить, и ел урывками, одной рукой укачивая ребёнка, пока другая сжимала скудные остатки еды. Теперь он свободен, и это чувство должно было радовать, но почему-то казалось пустым.

Рион зашагал по пустынной мокрой улице. Каждый шаг отдавался в груди тупой, ставшей уже привычной болью, и от этой привычности становилось только тревожнее: он не знал, сколько ещё таких толчков выдержит его сердце. Впереди ждала столица с её высокими башнями и шумными площадями, где каждый второй носил мантию мага и смотрел на прохожих свысока, как на муравьёв. Там его ждали деньги, связи, слава — всё, чего он был лишён десять лет в Башне, пока его имя исчезало из отчётов, а чужие — появлялись в заголовках. Меморикс должен был стать ключом к признанию, а записи на кристаллах — прославить его имя по всему континенту. Особенно та первая запись, сделанная ещё до выхода из разорённого лагеря, до того, как он понял, что остался совсем один: без союзников, без поддержки, без единой души, способной разделить его путь.

Он шёл по улицам и переулкам, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не видеть следов бури: каждый обломок напоминал о хрупкости человеческой жизни. Внезапно боль в груди сдавила так, что дыхание сорвалось на короткие, рваные вдохи, а перед глазами заплескали тёмные пятна. Колени ударились о мокрую брусчатку, пальцы соскользнули с

камня, оставляя грязные полосы, и холодная вода пропитала штаны. Обычно в такие моменты случайность подставляла выступ, чтобы он не упал, или ветер стихал на секунду, давая передохнуть. Но сейчас всё было иначе. Его сковала глухая, безразличная тяжесть, не оставлявшая ни малейшего шанса на спасение. Механизм, на который он полагался все эти дни, дал осечку. И Рион впервые по-настоящему испугался — не за свои планы, а за саму жизнь, утекавшую из него, как вода сквозь пальцы.

Он попытался встать, но ноги не слушались, будто превратились в вату. Рухнув обратно на мокрую брусчатку, он почувствовал, как холод пробирается сквозь одежду, и осознал: это не очередной спазм, который через минуту отпустит, сменившись привычной ноющей болью. Это был конец. Тело отказывалось подчиняться, темнота подступала к глазам, воздух выходил из лёгких и не возвращался. Рион умирал здесь, на пустынной улице захолустного городишки, о котором никто никогда не слышал, и это было до смешного нелепо. После Шепотного леса с его тварями, после магической вспышки, убившей всех его коллег, — умереть вот так, без борьбы, без свидетелей, без смысла, просто от того, что сердце отказалось биться.

Когда сознание начало угасать, пришла мысль: нужно понять, что пошло не так, иначе его смерть будет не просто бессмысленной, но и глупой. Он не узнает, где совершил ошибку. Он обязан был проверить и вспомнить каждую деталь: за-

щита, которую давала ему эта странная удача, не могла подвести без причины. Значит, он что-то упустил в расчётах, что-то важное, что могло бы всё объяснить и, возможно, спасти его.

Сквозь звон в ушах, похожий на скрежет лезвия по стеклу, продрался голос Гарольда: ещё несколько часов назад тот напоминал, что именно малыш приносит удачу в их дом. Теперь эти слова звучали как приговор. Рион стиснул челюсти, пытаясь отогнать эту мысль, но она цеплялась за сознание, как репейник. Ладони, впившиеся в холодную воду на мостовой, не врали: он чувствовал, как уходит та самая сила, что вела его по лесу, защищала от тварей и направляла монету. Если защита и правда была привязана к ребёнку, то его собственное выживание в лесу, монета, падавшая решкой, буря, обошедшая его стороной, — всё это было не его везением, а побочным эффектом чужой силы, которая осталась в тёплом доме Вейлов, вместе с Корбином.

Он заставил себя выдохнуть, и спина слегка распрямилась. Взгляд упёрся в глубокую трещину между плитами, похожую на карту, по которой он не хотел идти, но должен был. Паника попыталась подступить, но Рион загнал её обратно, как загоняют воду в щели, и сосредоточился на главном: нужно проверить условия контракта, с которого всё началось, — договора с демоном, заключённого на поляне, когда все вокруг были мертвы. Он старался отследить, кто и что сказал первым, каковы были правила, при каких условиях

состоялся тот странный разговор. Его разум, привыкший к лабораторной точности, начал восстанавливать картину событий. Без эмоций. Только цифры. Только факты. Только холодная логика, которая всегда его выручала.

И тогда перед ним, чётко и без спешки, проступила поляна, где когда-то разбили лагерь исследователи, сбежавшие из Башни: латунные цилиндры, меловые символы, густой запах озона, смешанный с лесной сыростью. Он не ждал озарения и не надеялся на чудо, привыкнув полагаться только на собственный ум. Он просто открывал архив памяти, чтобы найти ошибку в расчёте, шаг за шагом, пока образы не начали тускнеть, уступая место более ранним воспоминаниям, которые он старательно прятал от себя.

Перед глазами возник алтарь с латунными цилиндрами, светящимися кристаллами и меловыми символами, пульсирующими в такт чужой магии, словно живое сердце. Вокруг суетились маги, каждый был занят своим делом, а сам Рион стоял в стороне, наблюдая за подготовкой к ритуалу, который должен был изменить всё. Он знал, что это очередная их безумная затея. Его лицо, ещё не такое бледное и измождённое, выражало холодную отстранённость человека, который не собирается рисковать понапрасну. «Я не верю в их безумную затею, — думал он. — Они накликут на себя беду, и мне лучше держаться подальше, чтобы не оказаться в центре взрыва».

К нему подошли родители Корбина — спокойные, уми-

ротворённые, с плетёной корзиной, в которой лежал их сын, укутанный в шерстяное одеяло. Они выглядели так, будто уже смирились со своей участью. Они сделали то, о чём давно договорились: передали ему ребёнка и все деньги, которые могли пригодиться в столице, потому что сами не рассчитывали выжить после ритуала. Задача Риона была проста: подняться на воздушный корабль, зависший над лагерем, и отправиться с младенцем в столицу, выполнив последнюю просьбу коллег. Но он уже знал, что не сможет просто улететь.

Он увидел себя на грузовой платформе серебристого корабля Зенната, парившего над поляной. Тросы тянули её вверх, отрывая от земли, а ветер трепал волосы. Вскоре он оказался внутри стальной конструкции, пахнущей маслом и магией, и уже готовился к отлёту, но что-то внутри сопротивлялось. Он не планировал сразу лететь в столицу: оставалось неоконченное дело, важнее любого обещания. Он хотел заполучить магические артефакты, которые должны были появиться после активации алтаря. Чтобы преуспеть за пределами Башни, нужен был стартовый капитал, и в его случае это были не деньги, а магические инструменты. При побеге из Башни захватить что-то ценное не удалось — всё осталось за стенами, под присмотром магистра Валериуса, который не упускал возможности присвоить чужие открытия.

Единственная по-настоящему уникальная ценность должна была возникнуть здесь, на поляне, в момент активации

алтаря, когда магия достигнет пика и что-то изменится в самом мире. Рион рассчитывал быть рядом, чтобы забрать всё, что останется. Однако забрать её было непросто не потому, что маги не отдали бы ему артефакты, а потому, что эксперимент был смертельно опасен: все, кто окажется рядом с алтарём в момент вспышки, вполне могли погибнуть. Он не хотел повторить их судьбу.

Но был нюанс. Рион вёл собственные расчёты: магия теряла силу с расстоянием, и достаточно было держаться подальше от алтаря во время активации, чтобы избежать смерти, по крайней мере, в теории. А пережив первичный всплеск, он сможет забрать из лагеря нечто по-настоящему ценное, когда маги уже не смогут ему помешать.

Для этого нужно было сойти с корабля, что оказалось не так просто. Экипаж не собирался менять правила. Рион попросил высадить его в лесу недалеко от поляны, но те упёрлись: ребёнка нельзя перевозить без сопровождения взрослого, а его деньги никого не убеждали — сумма была слишком мала для отдельного рейса. Либо он летит с ребёнком в столицу, либо они высаживаются оба прямо здесь, в лесу, и он сам решает свои проблемы. Пришлось подчиниться, хотя это ломало все планы: он не хотел брать младенца в опасную зону.

Спустившись с корзиной в высокую траву, он отнёс её к крупному дубу на краю поляны и спрятал в корнях, накрыв листьями и ветками, чтобы никто не нашёл малыша до его

возвращения. Это было единственное, что он мог сделать для его безопасности. Сам же Рион вернулся к краю поляны и занял позицию на рассчитанной ранее границе: достаточно близко, чтобы магия задела его, но достаточно далеко, чтобы не погибнуть от того, что его коллеги собирались выпустить в этот мир.

Алтарь вспыхнул, маги встали в круг, читая древние формулы, и их голоса слились в единый гул, наполнявший воздух вибрацией. От конструкции разлились потоки фиолетовой магии — пульсирующие, расходящиеся концентрическими кругами, которые с каждой секундой становились всё ярче и разрушительнее. Рион почувствовал, как воздух вокруг накаляется.

И тогда ему пришла в голову тревожная мысль: магический удар, погубивший коллег, мог повредить и его внутренние органы. Он не чувствовал боли, но это ничего не значило. Проверить себя сейчас он не мог — не было ни инструментов, ни знаний для такой диагностики. А значит, думать об этом бесполезно. Нужно было сосредоточиться на другом. Например, на том, что осталось от лагеря.

Рион выпрямился, стряхивая с плаща сосновые иглы и обгоревшие стебли, и огляделся в поисках чего-то ценного. Воздух всё ещё дрожал от остаточного гула, но к нему добавилось что-то новое: пространство у края поляны начало сгущаться, словно кто-то невидимый вытеснял собой реальность. Волосы на затылке встали дыбом. Резкий запах озона

перебил лесную сырость, температура упала так резко, что холод пробрал до костей. Рион замер. Из сгущающейся тьмы начала оформляться фигура, которая росла и становилась всё более отчётливой.

Висящий в воздухе сгусток тьмы, едва заметный на фоне леса, вдруг оформился в высокую тёмную фигуру, возвышавшуюся над ним. Сердце Риона пропустило удар. Перед ним стоял демон почти вдвое выше человека, его тело состояло из сгустков тьмы, которые то сжимались, то разжимались, словно он дышал. Вместо лица была пустота, в которой мерцали две точки света, похожие на глаза, и они смотрели на Риона с холодным любопытством. Рион не отступил. Он потянулся к поясу, нащупывая знакомые грани меморикса: это был его единственный шанс запечатлеть встречу, которая могла принести ему славу.

Ему нужно было доказательство, чтобы продать его дорого и прославиться как один из немногих, кто встретил демона и выжил. Запись устранила бы любые сомнения. Он поднял линзу, и демон замер, позволяя зафиксировать своё изображение на кристаллах, словно не имел причин мешать. Это казалось странным, но Рион не стал задавать вопросов.

— Я один из тех, кто воздвиг алтарь, — произнёс Рион ровным голосом, сохраняя привычную интонацию лабораторного отчёта, хотя внутри всё дрожало от напряжения. — Мы показали тебе путь в этот мир. Исследования указывают, что сущности вроде тебя привязывают сознание к тому, кто

открыл им дорогу, и защищают его в ответ.

Глава 6

Рион держал линзу, направленную на демона, и ловил каждый сдвиг плотности воздуха, каждое колебание тьмы, выдававшее возможный ответ. Его разум лихорадочно пытался предугадать реакцию. Ответ пришёл не через уши, а прямо в череп — слоистый, лишённый человеческих обертонов звук, который раздавался одновременно внутри и снаружи, проникая в глубины сознания.

— Я помогу тому, кто не сможет прожить без моей помощи.

Фраза застыла в голове Риона. Он слегка опустил устройство, но не отступил: сейчас решалось его будущее, и требовалось убедить демона, что именно он достоин помощи. Рион тут же принялся доказывать, начав с самого начала: десять лет в нижних ярусах Башни, где его идеи присваивали, а имя исчезало из отчётов. Теперь, снаружи, без стен и магии, его ждут голод и бедность, если не получить поддержки.

Аргументы выстраивались в чёткую цепочку, продуманную заранее, ещё до появления на поляне. Он надеялся, что холодная логика убедит существо. Уцелел он потому, что умел просчитывать риски и не лезть туда, где ждала неминуемая гибель. Но за стенами Башни одного разума мало — нужна сила, которую он не мог получить сам, и он просил о ней демона. Рион говорил тихо, отмеряя каждое слово с той

же тщательностью, с какой когда-то сводил отчёты для магистра Валериуса. В голосе не было мольбы — только сухая оценка условий, холодный расчёт, призванный убедить.

Демон не кивнул, не сделал жеста — лишь слушал, и в этом молчании было больше смысла, чем в любых словах. Рион чувствовал, что его слушают, но не понимал, каков будет вердикт. Когда последнее слово сорвалось с его губ, голос демона отозвался вновь, и в нём прозвучала странная отстранённость, словно решение уже принято.

— Мне нужно завершить иные дела.

Давление в воздухе исчезло мгновенно. Рион остался один среди выжженных участков травы и звенящей тишины, которая казалась ещё более пустой, чем раньше; последние силы покидали его. Он ощутил лёгкое разочарование: общение с потусторонней сущностью оказалось слишком кратким, он не успел узнать ничего нового, и планы рушились на глазах. И всё же на него не напали, он до сих пор был жив — и это уже стоило ценить, хотя внутри зарождалась тревога.

Рион стоял неподвижно, пытаясь осмыслить произошедшее. В голове снова и снова звучали слова демона о том, что он поможет тому, кто не сможет прожить без его помощи, и он анализировал их без конца. Тогда он не сомневался, что речь шла именно о нём: сбежавший из Башни маг без единого заклинания и без денег не сможет прожить достойно — по крайней мере, так он считал. Стало быть, демон должен помочь ему. Или нет? Вопрос остался без ответа, и теперь,

лёжа на мокрой брусчатке, он начинал понимать, что ошибался.

Воспоминание схлынуло так же внезапно, как и нахлынуло, оставив Риона на мокрой после бури мостовой — он корчился на коленях и хватал ртом воздух, который никак не наполнял лёгкие. Сознание ускользало, но вместе с тем прояснялось, принося пугающее понимание, которое он так долго отгонял. Теперь оно было неотвратимым, как сама смерть.

С холодной ясностью вспыхнули слова демона, пообещавшего помочь лишь тому, кто не сможет прожить без его поддержки. Теперь Рион видел их в новом свете, и его ошибка стала очевидной.

Из всех, кто оказался на поляне, уцелели только Рион и младенец. Вопрос был в том, кто нуждался больше, и ответ оказался жестоким. Рион начинал понимать: он мог обойтись и сам — взрослый мужчина, знающий, как добыть еду, избежать опасностей, найти дорогу к людям. Он не был беспомощным. А младенец, лежавший в корзине посреди леса, наполненного монстрами, без чужой помощи не протянул бы и дня. Это было очевидно любому, кто смотрел на него, но Рион не хотел этого признавать.

В памяти всплыло, как он поднимался на корабль с Корбином на руках и хотел оставить ребёнка там, чтобы тот летел в столицу один, пока сам Рион вернётся к лагерю к началу ритуала. Таков был его план. Но экипаж не позволил: либо он сопровождает ребёнка до столицы, либо они выса-

живаются оба прямо здесь, в лесу. Пришлось подчиниться, высадиться, вернуться к поляне, оставить ребёнка в укрытии и идти к алтарю, чтобы успеть к активации. Каждый его шаг был продиктован эгоизмом.

Рион сам создал угрозу для Корбина, вынеся его из безопасного корабля и вернув в опасный лес, полный тварей и магии. Это был его собственный выбор, сделавший младенца нуждающимся. Именно поэтому сила дала защиту тому, кто нуждался больше. Не ему, а ребёнку, который без неё не выжил бы и дня. Теперь эта истина обжигала.

Всю дорогу он считал Корбина досадной обузой, которая замедлит путь к столичной жизни с её лабораториями, знакомствами и признанием, ради которых он терпел унижения десять лет. Младенец был помехой, которую нужно сбить с рук при первой возможности; все силы уходили на то, чтобы выполнить обещание родителям и забыть о ребёнке, как о дурном сне. Теперь пришло осознание: всё кончено.

Он поставил корзину на пол чужого дома и вышел за дверь, не оглянувшись, — и тем самым отдал единственное, что держало его в живых последние два дня: силу, что отводила тварей, роняла монету нужной стороной и перезапускала сердце каждый раз, когда оно замирало. Теперь, лёжа на мокрой брусчатке, он понял: он не избавился от груза, а всего лишь отдал свою удачу, и забрать её обратно уже не мог.

Сознание угасало. С трудом он выдавил короткую фразу, слыша её как бы со стороны, будто говорил кто-то другой;

голос звучал хрипло и слабо.

— Я сам вынес его из корабля и вернул в лес... Из-за меня ему понадобилась помощь...

Он попытался подняться, но ноги не слушались, тело предательски отказывало именно сейчас, когда он наконец всё понял. Отчаяние охватило его. Он рухнул на камни, цепляясь пальцами за скользкую поверхность, из угла рта потекла алая пена, смешиваясь с грязной водой на мостовой. Теперь он знал: приступ, которого он так боялся все эти дни, настиг его. На этот раз не помогут ни таблетки, ни удача — он сам отрезал себя от источника силы. Где-то рядом послышался встревоженный голос, доносившийся словно издалека, пытавшийся пробиться сквозь туман.

— Эй, парень! Ты чего? Плохо тебе? Чем помочь-то?

Но Рион уже не отвечал. Воздух перестал наполнять лёгкие, сердце замерло в последний раз, не дождавшись спасительного толчка.

В это время в тёплой комнате у печи Мира и Гарольд приходили в себя после пережитого ужаса: ветер выл за стенами, стены дрожали от каждого порыва. Теперь в доме висела тишина, нарушаемая лишь редкими каплями с крыши и потрескиванием догорающих поленьев, дававших тепло и свет — островок уюта среди хаоса. Мира крепче прижала к себе Лейтана, который наконец проснулся и испуганно озирался, не понимая, что происходит. Гарольд перевёл взгляд с жены на корзину, где мирно посапывал Корбин, и в его глазах по-

явилось что-то новое, чему он не мог подобрать слов, но что чувствовал всем сердцем.

— Мы и вправду уцелели, поверить не могу, — тихо проговорил он, всё ещё сомневаясь: их дом остался целым, пока вокруг всё рушилось, и это казалось чудом.

Мира кивнула, руки её слегка дрожали от напряжения, но она старалась держаться спокойно ради детей.

— Эта развалина — единственное, что у нас есть, — произнёс Гарольд, помедлив и переводя взгляд на корзину. — А ребёнку нужен дом побогаче. Мы не сможем дать ему всё, что нужно для достойной жизни, и это меня тревожит.

— Не только это, — заметила Мира, и в её голосе прозвучала твёрдость, которой раньше не было, когда речь шла о чужих детях. Материнский инстинкт уже пробудился к этому малышу, и она не могла отдать его кому попало, чувствуя, что за одну эту ночь он стал частью семьи. — Мы не будем отдавать малыша абы кому. Новые родители должны о нём позаботиться, уделить внимание и заботу, а не просто взять из жалости.

— Кому-то, у кого проблем поменьше, чем у нас, — согласился Гарольд, понимая, что она права, хотя внутри ещё боролись сомнения.

Мира кивнула. Через час, когда буря окончательно утихла, они вышли на улицу, чтобы оценить масштаб разрушений. Вокруг царило сплошное разорение: покосившиеся ограды, сорванная кровля, осколки оконных рам. Повсюду

люди с инструментами принимались за срочный ремонт; на лицах читались усталость и тревога за потерянное.

— Гарольд... — тихо произнесла Мира, оглядываясь и не веря глазам: увиденное превосходило все ожидания. — Посмотри. У всех всё разрушено, а наш дом...

Гарольд проследил за её взглядом и медленно кивнул. Внутри разрасталось тихое изумление, смешанное с благодарностью. Среди всеобщего хаоса их дом стоял целым и невредимым — единственный на улице, защищённый упавшей крышей рафинерии, вставшей как щит.

— Меньше всего проблем сейчас у нас, — закончил он за неё. В голосе звучало не торжество, а тихое изумление перед тем, как удача обошла их стороной, и он понял: это не случайность.

Они направились к зданию мэрии: Рион просил найти дом для ребёнка, и супруги решили выполнить просьбу как можно скорее, пока буря не принесла новых бед. Мира сжала губы, уже зная, что их ждёт отказ: после такой бури мэру не до чужих проблем, он вряд ли станет слушать бедных соседей. Дверь приоткрылась, из щели выглянуло усталое, раздражённое лицо помощника мэра, не давшего им рта раскрыть.

— У мэра нет времени! — выпалил он, даже не взглянув на них; голос его был резким и нетерпеливым. — Половина города без крыш, другая половина в развалинах! Если вы не ранены, разбирайтесь сами!

Он захлопнул дверь с грохотом. Мира и Гарольд остались на крыльце, глядя на закрытую дверь и чувствуя себя униженными и растерянными.

Они переглянулись. В этом взгляде читалось понимание: после такого отказа никто в городе не возьмёт ребёнка, кроме них самих, и это было одновременно и пугающе, и обнадеживающе. Мира крепче прижала корзину с Корбином к груди, и в этот момент страх и сомнения исчезли, оставив лишь спокойную, твёрдую решимость.

— Пойдём домой, Гарольд, — сказала она, и в голосе не было сомнений. — У нас есть дом, который нужно сделать более уютным, и, кажется, теперь у нас есть ещё один сын. Мы не отдадим его никому.

Гарольд молча кивнул, понимая: удача ребёнка привела его именно к ним, и они не имеют права его отдавать — это было бы предательством того, что они пережили вместе. Они развернулись и зашагали обратно по улицам, где уже кипела работа: люди таскали доски, сбивали заборы, выносили мокрый хлам. Никто не разговаривал — все слишком устали и злились на бурю, чтобы тратить силы на пустые слова, и эта тишина была красноречивее криков. Мира посмотрела вниз: Корбин в корзине даже не проснулся, словно ничего не случилось, и его спокойствие успокаивало её.

Прошло несколько дней. У Риона не нашлось родственников, которые пришли бы за телом, поэтому его похоронили на местном кладбище вместе с другими жертвами бури.

Вейлы знали лишь то, что он сам рассказал за тот вечер, но этого хватило, чтобы считать его своим и взять на себя заботу о похоронах. Мира настояла на простом деревянном надгробии, Гарольд сам вырезал на нём имя. Многие приходили посмотреть на место, где внезапно, без видимых причин, умер никому не известный путник, переживший бурю; это вызывало любопытство.

Слухи расползлись быстро: их разносили соседи, видевшие, как он упал на мокрую брусчатку, и те, кто слышал его последние слова. Эти слова передавались из уст в уста. Долго ещё говорили на рынке, у колодцев, в тавернах о загадочном человеке, пережившем бурю и внезапно погибшем посреди улицы на ровном месте. Его последние таинственные слова — «Из-за меня ему понадобилась помощь...» — повторяли как заклинание, не понимая смысла, но чувствуя, что в них кроется что-то важное.

В итоге Рион добился того, чего хотел: его имя стало известно, о нём заговорили. Но не так, как он мечтал. Не как о великом маге, чьи навыки изменили науку, и не как о герое, не испугавшемся опасности, а как о жертве неизвестных обстоятельств, о странном чужаке, который пережил то, что должно было его убить, и умер тогда, когда должен был выжить. Это стало его истинным наследием. А потом о нём забыли — но не навсегда, а лишь на двенадцать лет, и эта цифра была весьма неслучайной.

Глава 7

Двенадцать лет спустя...

Серое утро едва разгоняло туман над дорогой. Внизу, в долине, петлял старый тракт, соединявший два крупных торговых города, — древняя магистраль, по которой ходили караваны из одной столицы в другую. Грузовозы гильдии Зеннат курсировали по ней регулярно, но здесь могли появиться не раньше чем через несколько часов — если, конечно, не лопнуло колесо или не застряли в грязи на переправе.

На скалистом обрыве, нависавшем над дорогой, догорал костёр. Ветер разносил запах сырого дерева и промокшей земли. Дым стелился низко, цепляясь за камни и коряги, которыми бандиты укрывались от утренней сырости.

Двое мужчин дремали, привалившись к сёдлам и натянув капюшоны на лица; их дыхание вырывалось паром и таяло в холодном воздухе. Третий сидел поодаль, на плоском камне, и сосредоточенно правил лезвие ножа о точильный камень. Сухой, монотонный скрежет вплетался в шум ветра, придавая происходящему размеренность, почти сонную.

У самого огня, вытянув замёрзшие руки к тлеющим углям, сидел Привал и чувствовал, как тепло медленно возвращается к пальцам. Он вернулся из заключения всего три дня назад и до сих пор не мог согреться. В тюрьме холод пробирал до костей, но здесь, на открытом ветру, ощущался

иначе — забирался под плащ, под рубаху, сводил мышцы. Привал размялся, хрустнул шеей, провёл ладонью по лицу, стирая усталость, и окинул лагерь взглядом: ничего не изменилось, пока он грелся.

Взгляд Привала зацепился за фигуру в стороне — незнакомый силуэт сидел на камне, отвернувшись от костра, и что-то делал с оружием. Он нахмурился, пытаясь вспомнить, видел ли этого человека раньше, но память подсказывала: нет. За время его отсутствия в банде появились новые лица. Привал перевёл глаза на Ведро, который сидел рядом и жевал чёрствый хлеб, отламывая кусок за куском, погружённый в свои мысли. Привал пихнул его локтем и кивнул в сторону незнакомца.

— Это кто? Новый? — спросил он хрипло; голос ещё не до конца проснулся.

Ведро не сразу ответил. Прожевал кусок, вытер рот рукавом и только потом взглянул в ту же сторону.

— Да, новенький, — произнёс он негромко. — Шеф его привёл, с месяц где-то уже с нами.

Привал вскинул брови и перестал греть руки — новость застала его врасплох. Шеф редко приводил кого-то сам, обычно этим занимались другие, и уж точно никогда не приближал к себе новичков.

— Шеф привёл? Сам? — переспросил он. — Не узнаю я этого типа. Из какой он банды? Только не говори, что раньше работал один, — таких сразу гнать вшаей.

— Нет, не одиночка, — Ведро откусил ещё хлеба. — Банда у него была. Накрылось всё. Еле ноги унёс, когда жарко стало.

Хмыкнув и проведя ладонью по щетине, Привал потянулся к фляге. Отвинтил крышку, сделал глоток — вода оказалась холодной, с привкусом железа. Протянул флягу Ведру. Тот взял, глотнул и вернул, вытирая губы.

— Откуда он? — спросил Привал, снова кивая в сторону незнакомца.

— Из Уэстенда, — Ведро оживился. — Дыра город. Говорят, лет двенадцать назад буря всё снесла. Один дом устоял. Байка, поди.

Ведро размял плечи и подбросил в костёр сухую ветку. Угли вспыхнули, на секунду осветив его лицо — шрам через левую щёку, глубокие тени под глазами, обветренную кожу, — и снова погасли, оставив лишь тлеющий жар.

Услышав про Уэстенд, Привал усмехнулся и покачал головой: он слышал об этом городишке, но ничего примечательного там не водилось.

— Уэстэнд, — повторил он, пробуя слово на вкус. — Неужто нашёл там, что плохо лежит? А от нас ему что надо?

— Денег, наверное, или от кого-то прячется, — Ведро развёл руками. — Шеф не рассказывает, а я не спрашиваю.

Привал снова уставился на незнакомца. Тот сидел неподвижно, наклонив голову, и рука его двигалась с механической точностью: нож о камень, нож о камень — размерен-

но, без нетерпения, без суеты. Это спокойствие вызывало у Привала странное беспокойство: обычно такие люди не попадают в банды случайно.

— Позову-ка я его, — решил Привал после недолгого раздумья. — Расспрошу, что за птица.

Он поднялся, стряхнул листья с одежды и шагнул в сторону незнакомца, но Ведро коснулся его плеча — настороженно, почти предупредительно.

— Погоди, не спеши, — остановил он. — Сначала глянь на это.

Сунув руку во внутренний карман, Ведро достал помятую, сложенную в несколько раз листовку и протянул Привалу. Тот повертел её в руках — бумага грубая, пахла типографской краской и сыростью, будто её долго носили за пазухой. Развернув листовку, Привал поднёс её ближе к огню и увидел текст и схематичный портрет — нечёткий, смазанный, но достаточный, чтобы узнать человека при встрече.

Он пробежал глазами по строкам, и брови его поползли вверх: сумма, указанная внизу, была немаленькой — такие деньги не платят за мелкого воришку или случайного прохожего. Привал тихо присвистнул и опустил листовку.

— Ничего себе, — выдохнул он. — Кому-то он здорово насолил, раз такую награду назначили.

— Угу, — отозвался Ведро и сунул руки в карманы плаща, пряча их от холода.

Привал снова посмотрел на незнакомца. Тот по-прежнему

сидел на камне и теперь, кажется, проверял лезвие на остроту, проводя по нему пальцем. Солнце поднималось над горизонтом, и в первых лучах силуэт становился чётче. Привал разглядел его лицо — спокойное, почти безразличное к тому, что его изучают.

Имя из листовки уже вертелось на языке, но Привал в последний момент осёкся, не в силах вымолвить ни слова. Он стоял, приоткрыв рот, и не сводил глаз с незнакомца.

Заметив его замешательство, Ведро нахмурился.

— Ну? — поторопил он. — Зови, чего стоишь?

Привал замялся, чувствуя, как слова застревают в горле.

— Не из полиции он? — понизил он голос почти до шёпота, чтобы не услышали спящие, и оглянулся, проверяя, не подслушивает ли кто. — Вдруг это подстава, а награда — лишь приманка?

Ведро фыркнул и покачал головой: вопрос показался ему глупым.

— Нет, точно нет, — он крошил хлеб. — Я сам там был. Он такую кашу заварил — город на ушах стоял. А мы в итоге с прибылью ушли. Полицаи так не умеют, у них кишка тонка.

Привал нахмурился, переваривая услышанное.

— Так ты говоришь, сам видел, как он это провернул? — переспросил он. — Мало ли, может, ему один раз повезло.

Он вздохнул и снова потёр лицо ладонью — щетина колола пальцы.

— Лёгкие деньги были бы, если сдать его властям. Награ-

да немаленькая, и никто бы не узнал, что это мы.

Ведро усмехнулся снисходительно, словно уже слышал эту мысль и знал, чем она кончается.

— Думали уже, — ответил он спокойно. — Шеф сказал, он нам полезнее здесь, чем в казематах или на виселице. Так что не суетись и не лезь с этим.

Привал в очередной раз окинул взглядом фигуру у костра. Незнакомец перестал править клинок и теперь смотрел в сторону дороги, где туман рассеивался, открывая вид на долину. В его позе чувствовалась уверенность человека, который знает, что его не тронут.

— Дело своё знает хоть? — спросил Привал.

— На словах — очень даже, — ответил Ведро и усмехнулся. — Посмотрим, что на деле покажет, когда грузовоз подойдёт.

Привал снова полез в карман, достал листовку и долго разглядывал портрет и текст, беззвучно шевеля губами. Он видел имя, напечатанное там, и знал, что может произнести его в любой момент. Но вместо этого сложил бумагу, сунул обратно за пазуху и перевёл взгляд на незнакомца — долгий, изучающий, словно пытался заглянуть ему в душу.

— Эй, Уэстэнд! Да, ты, новенький! Иди сюда!

Голова новичка вздрогнула от окрика. Движения замедлились, нож на мгновение замер в руке — будто он раздумывал, стоит ли отвлекаться. Он посмотрел на Привала: в его взгляде было любопытство, смешанное с лёгким удивлени-

ем, но без страха или тревоги.

Потом он поднялся с камня и направился к костру — спокойно, не торопясь. В походке чувствовалась уверенность человека, который не считает себя ни незванным, ни лишним.

Привал повернулся к Ведру.

— Уэстэнд? — переспросил тот. — Серьёзно, сразу даёшь погоняло?

— Сразу, — ответил Привал твёрдо. — Старое имя ему здесь не нужно, оно осталось там, в прошлой жизни. Теперь он наш и будет Уэстэндом. А сейчас пусть докажет, что заслуживает доверия. Если не докажет — я лично с ним разберусь.

Когда новичок подошёл, Привал оглядел его с ног до головы, отмечая каждую деталь: одежду, оружие, походку, выражение лица. Тот выглядел спокойным и собранным, лицо ничего не выражало — ни враждебности, ни страха, ни желания понравиться, лишь спокойствие. И это спокойствие одновременно внушало доверие и настораживало.

— Значит, ты тот самый, — заговорил Привал. — Шеф тебя хвалит, это я слышал. Теперь ты Уэстэнд, запомни, и не вздумай тут выпендриваться.

Незнакомец молчал, глядя на Привала и ожидая, и в его молчании не было ни вызова, ни напряжения — он просто ждал, зачем его позвали.

Ведро кивнул в сторону Привала:

— Это Привал. Недавно вернулся из заключения, так что

не в курсе всех новостей.

Привал усмехнулся, подтверждая слова товарища.

— Я пока не понял, хороший ты парень или нет, но время покажет, так что не торопись. Иди, дождись грузовоза, скоро он должен появиться.

Новичок кивнул, развернулся и пошёл обратно к своему камню, не сказав ни слова. Его молчание показалось Привалу почти вызывающим, хотя тот понимал: возможно, это лишь обычная осторожность. Проводив новичка глазами, Привал перевёл внимание на листовку, лежащую под плащом, и погладил бумагу рукой, словно проверяя, что она всё ещё при нём.

— Уэстэнд, — прошептал он себе под нос. — Теперь ты наш, и старой жизни у тебя больше нет.

Ведро снова придвинулся к костру и подбросил в огонь сухую ветку, потом уставился на дорогу внизу, где туман продолжал рассеиваться. Уже можно было разглядеть старый тракт, по которому скоро должен пройти грузовоз. До его появления оставалось всего несколько часов.

Глава 8

Шестью месяцами ранее...

Стоя на пороге своего всё ещё целого дома, Гарольд смотрел, как младший сын Корбин натягивает слишком большой для него сапог. Мира, жена, суежилась рядом, поправляя воротник его рубахи.

— В прошлом месяце там мальчишка в омут упал, — говорила она уже в третий раз. — Держись подальше от глубоких мест, ладно?

Гарольд молчал, но челюсть сжал так, будто сам собирался идти с сыном и охранять его от всех опасностей мира. Корбин кивал, хотя было видно: мыслями он уже на улице.

Прислонившись плечом к дверному косяку, стоял старший брат Корбина, Лейтан.

— Мама, ты же знаешь, он у нас самостоятельный, — заметил он. — Но если полезет в воду, я его сам за шиворот вытащу. Не переживай так.

Затем, кивнув в сторону брата, он продолжил, и в голосе его прозвучало нечто такое, от чего Гарольд нахмурился ещё сильнее.

— Скучно в Уэстенде, — вздохнул Лейтан. — Вот бы рвануть куда-то. Чтобы раз — и деньги, а потом до старости ноги на стол. Представляешь?

Взгляд Мира, брошенный на старшего сына, выражал та-

кое же недоумение, будто он только что предложил ограбить банк.

Лейтан нёс свою старую удочку — выдавшую виды, с потёртой рукоятью и леской, перевязанной в трёх местах, — а для Корбина прямо по дороге мастерил вторую, из тонкой ветки и бечёвки, которую стащил у соседки. Корбин нёс сачок и ведёрко с наживкой, с надеждой поглядывая на брата.

— На, держи. Только червей сам добывай — я свои руки для более благородных дел берегу, — протянул он конструкцию Корбину.

Скривившись, Корбин удочку всё же взял. Братья остановились у старого вяза и принялись копать. Мальчик морщился каждый раз, когда пальцы касались холодного скользкого червя.

Когда братья вышли к реке, на знакомом берегу уже сидели двое. Олдрик Болден, сын владельца рафинерии, важно восседал на складном стульчике, который принёс за ним дворецкий. Рядом стояла Сенра, дочь мэра, и внимательно смотрела на воду. Слуга, высокий худой мужчина в безупречном камзоле, держал в руках редкий в этих местах предмет — зонт, хотя солнце едва проглядывало из-за облаков, а дождя не было и в помине.

На мгновение Корбин замер и обернулся к Лейтану. Тот пожал плечами.

— Ну, пойдём здороваемся.

Олдрик поднял голову с таким видом, будто его прерва-

ли в разгар важных государственных дел. Он улыбнулся той улыбкой, которая означала: сейчас будет сказано нечто, от чего собеседнику станет неловко.

— А, соседи! — воскликнул он. — Как вовремя. Помните бурю? Когда наша крыша удачно приземлилась на ваш дом? Моя семья всё ещё ждёт благодарности. Ваш домишко стоит только из-за нас.

Он окинул Корбина, а затем Лейтана самодовольной улыбкой.

Услышав эту тираду, Лейтан медленно выпрямился и уставился на Олдрика так, будто тот сморозил невообразимую глупость.

— При всём уважении, тогда нам стоит благодарить бурю — это она подбросила нам вашу крышу. Вы же не предложили нам ничего полезного.

Олдрик открыл рот, чтобы возразить, но Лейтан уже отвернулся и принялся разматывать снасть. Сенра тихо хмыкнула и спрятала улыбку. Дворецкий неодобрительно покачал головой.

Из-за спин мальчиков Сенра шагнула вперёд и встала между ними.

— Мы все тогда были несмышлёными карапузами, о чём вы говорите? Давайте оставим это в прошлом — память такая штука, иногда лучше не ворошить.

Она посмотрела на Корбина и кивнула в сторону свободного места на берегу.

Лейтан прекрасно понимал, что во время бури он как раз карапузом не был — ему тогда исполнилось восемь. Тот вечер, когда к ним нагрянул внезапный гость, он отлично помнил, но решил промолчать и не портить намечающееся примирение.

— Место рядом свободно, — сказала Сенра. — Рыба сегодня, говорят, добрая — сама на крючок просится. Но если не клюнет, хотя бы тихо посидим.

Олдрик пожал плечами и вернулся к своему удилищу, делая вид, что ничего не произошло.

Корбин постоял немного в стороне, переминаясь с ноги на ногу, а потом шагнул к Олдрику.

— Тут и правда не занято? — спросил он с осторожностью.

Слуга тут же нахмурился и сделал шаг вперёд, собираясь возразить, но Лейтан опередил его, дёрнув брата за рукав.

Олдрик махнул рукой.

— Садись, конечно. Только если рыба уйдёт — я буду знать, кто виноват.

Дворецкий закрыл рот, но продолжал сверлить Корбина взглядом, будто тот только что сел на трон без разрешения.

Устроившись рядом с Олдриком, Корбин оглядел его снасть — толстая леска, блестящий крючок, аккуратно насаженный червь. У Корбина всё было проще — тонкая ветка, бечёвка и крючок, который Лейтан смастерил по дороге.

Олдрик поинтересовался:

— Ну что, червяки уже на крючке, или так и будешь на них смотреть?

Корбин покосился на ведёрко, в котором копошились серые скользкие создания, и поморщился.

— Выкопал — да. Но насаживать? Нет уж. Они холодные и какие-то... слишком живые. Пусть живут.

Олдрик поднял бровь, а Лейтан только фыркнул.

— Я же говорил — пора быть самостоятельным.

Олдрик задумался на мгновение, а потом его лицо просветлело той самой улыбкой, от которой у дворецкого начинала дёргаться щека.

— А знаешь, есть идея — лови так, без наживки, — предложил он, изо всех сил сдерживая смех. — Вдруг рыба сама заинтересуется — что это за блеск такой в воде? Будет научный эксперимент.

Терпение сопровождающего лопнуло.

— Мастер Олдрик, может, всё же не стоит? Дети знатного рода обычно не устраивают таких шуток.

Олдрик взглянул на дворецкого с невинным видом.

— Я не шутил. Это эксперимент.

Сенра, сидевшая немного в стороне, тихо вздохнула и покачала головой.

Корбин опустил глаза на свою удочку, потом на ведёрко с червями. Затем взял прут, не притронулся к червям и закинул пустой крючок в воду. Олдрик открыл рот, собираясь сказать что-то вроде «я же пошутил», но Корбин уже удобно

устроился и смотрел на поплавок с таким видом, будто делал всё правильно с самого начала.

Лейтан перестал копать в земле и уставился на брата с выражением человека, давно привыкшего к таким фокусам.

— Ну-ну, — пробормотал он и вернулся к своим червям.

Тогда никто на берегу не знал, что под перекатом, в глубокой тени подмытого берега, уже неделю держалась стая эфирных окуней — той самой редкой рыбы, что светилась изнутри и ценилась в столице на вес золота. В этом месте реки она ничего не ела. То ли вода была для неё слишком холодной, то ли привычная добыча не поднималась так высоко против течения, но окунь проходил мимо любых наживок равнодушно, и потому на удочку здесь его не ловил никто и никогда. Ниже по течению гильдия рыболовов вылавливала его сетями, а у города он оставался лишь слухом, красивой байкой для приезжих.

Но в то утро в реку вмешалась сила, которая не спрашивала ни у рыбы, ни у людей, чего они хотят.

Одна из рыбин — крупная, с серебристой чешуёй и тяжёлым осторожным нравом — проходила под перекатом, когда в воду опустился тонкий блестящий предмет. Для любой другой рыбы он остался бы безразличной мелочью — не еда, не добыча, не опасность. Но сила, что вела Корбина с самой поляны, коснулась и реки. Она не создала ничего нового — лишь повернула на самую малость то, что уже было у рыбы: её осторожность, её привычку охранять свою воду. Блеск ме-

талла в толще вдруг перестал быть безразличным. Рыба увидела в нём угрозу — тонкую юркую тварь, которая пришла в её воды и затаилась. И тогда окунь, не знавший в этой реке ни голода, ни страха, сделал то, чего не делал никогда, — метнулся к блестящему предмету, чтобы напасть первым, и с размаху заглотил его, рассчитывая раздавить врага челюстями.

Прошло минут десять. Олдрик поймал маленького окунька, Сенра — ничего, Корбин сидел неподвижно, как статуя. А потом его поплавок нырнул так резко, что удочка чуть не вылетела из рук.

— Есть! — крикнул он, но тут же понял, что рыба слишком большая: удилище согнулось дугой, леска натянулась до предела, а Корбина потащило вперёд.

Олдрик Болден вскочил со своего места, выронив снасть.

— Держи её! — закричал он, хотя Корбин и так держал изо всех сил.

Дворецкий бросился вперёд, забыв про зонт, который так и остался лежать на траве.

В тот же миг Лейтан отшвырнул червей и подбежал к брату, схватив удочку сверху. Слуга, несмотря на безупречный камзол, встал на колени у самой воды и тоже ухватился за леску.

— Тянем вместе! — скомандовал он, и в его голосе впервые за день не прозвучало ни капли неодобрения.

Сенра отступила на шаг, чтобы её не забрызгали. Рыба

билась, вода кипела, и постепенно из глубины начала подниматься большая голова — чешуя блестела на солнце, рот жадно открывался и закрывался.

Сглотнув, Олдрик выдохнул, не сводя глаз с рыбы.

— Это... это же деликатес!

Рыбу вытащили на берег. Она оказалась огромной — почти с руку длиной, с блестящей серебристой чешуёй и важными, даже немного обиженными глазами. Корбин отступил на шаг и посмотрел на неё с обидой.

— Можно я её отпущу? — тихо спросил он. — Она не виновата, что ей на крючок захотелось.

Дворецкий, всё ещё стоя на коленях, замер и поднял на мальчика изумлённый взгляд.

— Отпустить? Молодой человек, это рыба, которую в столичных резиденциях подают под серебряными крышками. Её весной ловят по специальному разрешению, а вы хотите вот так взять и...

Он не договорил, потому что Корбин уже наклонился, будто и правда собирался вернуть рыбу в воду. Но Лейтан, хмыкнув, положил руку ему на плечо.

— погоди, братец. Деньги в семье не лишние.

Дворецкий, опомнившись, поднялся, отряхнул колени, поправил камзол и с достоинством вытащил кошелек.

— Молодой человек, — обратился он к Корбину, — вы поступили... необычно. Но благородство не измеряется серебром. За зрелище я обязан заплатить.

Он отсчитал монеты и передал их старшему из братьев — Лейтану. Корбин же с лёгкой грустью провожал взглядом рыбу, которую дворецкий бережно поднимал с земли, чтобы отнести её мэру.

На берегу повисла тишина. Олдрик уставился на пустые руки Корбина, потом на своё ведёрко с крошечным окунем и молчал.

С берега раздался смех Лейтана — он хохотал так, что чуть не упал в воду.

— Ну, братец, ты даёшь! — выдавил он сквозь смех. — Сам того не зная, поймал деликатес для мэра!

В глазах Сенры мелькнуло одобрение, хотя на губах застыла едва заметная улыбка.

Олдрик наконец глянул на своего окунька, который теперь казался совсем крошечным по сравнению с трофеем Корбина, и вздохнул. Он хотел сказать что-то колкое, но передумал и лишь криво усмехнулся.

— Ну, по крайней мере, мой эксперимент удался, — пробормотал он себе под нос. — Иногда клюёт и без наживки.

Опустившись на траву, Корбин положил удочку рядом и взгляделся в реку. Вода уже успокоилась, и ничто не напоминало о только что разыгравшейся битве, кроме мокрых штанов и сбитого дыхания.

— Хороший был день, — произнёс он тихо, ни к кому не обращаясь.

Лейтан хлопнул его по плечу.

— Ещё бы. Теперь лет пять будут припоминать. Для нашего города — событие.

Солнце выглянуло из-за облаков, и на воде заиграли блики. Дворецкий тем временем бережно завернул рыбу в белый платок, который достал из внутреннего кармана, и прижал свёрток к груди, как прижимают нечто хрупкое и ценное. Он не оглянулся на зонт, забытый на траве, и не оглянулся на детей. Он шёл быстро, чуть ли не вприпрыжку, и на губах его играла редкая для него улыбка — не дежурная, не снисходительная, а настоящая, довольная улыбка человека, который уверен, что принёс хозяину нечто исключительное.

За всю свою службу он выучил одно простое правило: безупречные манеры, выдержка и преданность делу хозяина — единственное, что отделяет дворецкого от хаоса внешнего мира. Пока он следует этому правилу, ничто не способно выбить почву у него из-под ног: ни капризы господ, ни сплетни прислуги, ни дерзость незваных гостей, ни невежество местных чернорабочих. Он пока не знал, что несёт в руках не просто рыбу, а первую искру того пожара, который через несколько месяцев перевернёт весь город и впервые в жизни заставит его усомниться в том, что выдержка и верность хозяину способны защитить от настоящих потрясений.

Глава 9

В столовой мэрии на втором этаже накрыли обеденный стол — событие почти столь же редкое, как появление деликатесной рыбы в этих краях. Мэр Эдгар сидел во главе, рядом — его жена Амелия в шёлковом платье и дочь Сенра, державшая вилку так, будто это был государственный документ, требующий подписи. Дворецкий подал блюдо под серебряным колпаком, и мэр откинул его с видом человека, открывающего сундук с сокровищами. Поднявшийся аромат заставил его сглотнуть. Он отрезал кусок, положил в рот и замер на пять секунд — для него это равнялось вечности.

— Потрясающе... Я такое ел лишь однажды, и то в детстве. Откуда у нас в Уэстенде подобное сокровище? — произнёс он, закрывая глаза.

Сенра отложила вилку и с любопытством взглянула на отца. Амелия лишь улыбнулась уголками губ. Открыв глаза, мэр дал волю тому самому огню, который домашние уже научились распознавать, — предвестнику очередной авантюры.

— Уже много лет в этой должности, но такую рыбу вижу впервые, — продолжил градоначальник, взглянув на слугу. — Скажи честно, ты сам её выловил или привёз откуда-то? Дворецкий выпрямился, сложив руки за спиной.

— Отличное наблюдение. Вы правы, это деликатесная

речная рыба, очень редкая. Из нашей реки, выловлена по всем правилам, не извольте беспокоиться.

Мэр отрезал ещё кусок и не унимался.

— Из нашей реки? По правилам, без сетей, удочкой? Это ведь не шутка?

Распорядитель кашлянул в кулак.

— Её поймал местный мальчишка. Прямо здесь, на обычную удочку. Я выкупил её сразу, как увидел, — знал, что она того стоит.

На мгновение мэр застыл с вилкой на полпути ко рту, так что кусок едва не выпал и лишь чудом удержался на месте.

— Мальчишка? На удочку? В нашей реке?

Сенра тихо хмыкнула, продолжая есть. Амелия с лёгким беспокойством взглянула на мужа: она уже видела, как загораются его глаза при слове «бизнес».

Мэр поставил вилку, на сей раз аккуратно, и посмотрел на дворецкого с серьёзностью, будто речь шла о судьбе государства, а не о трапезе.

— Надеюсь, цену ты уже знаешь? Или мне самому догадываться, сколько мы только что съели?

Заминка слуги длилась лишь мгновение.

— Скажем так, если бы мы продали эту рыбу, то могли бы заплатить жалованье половине городской стражи за месяц. Однако кому? Местные жители такую цену не потянут.

Эдгар медленно кивнул, пальцы его застучали по столу. Сенра отложила прибор и взглянула на мать. Та едва заметно

покачала головой, но промолчала.

— Цифру, я надеюсь, ты мне сейчас назовёшь, — голос мэра стал жёстким, и дворецкий невольно отступил на полшага. — Не виляй.

— Один экземпляр... около пяти золотых. Это если рыба средняя. А если крупная — цену даже я не решусь назвать. Нужно будет устраивать аукцион. Разумеется, за этот экземпляр я отдал лишь то, что имел при себе.

Услышав сумму, Эдгар присвистнул. Сенра отложила вилку.

— Папа, ты ведь не хочешь снова... того же, что было с прошлым проектом? — начала она, но отец уже не слушал.

Он смотрел в окно, за которым вдалеке текла та самая река, где, оказывается, водятся пятизолотые рыбы.

— Пять... золотых? За рыбу? В нашей реке? И мы её ещё не ловим? — спросил мэр, хотя уже догадывался об ответе. Дворецкий вздохнул.

— Поначалу я сомневался, но, посоветовавшись с поваром, мы точно установили — это эфирный окунь.

— Окунь, кажется, рыба обычная, — засомневался градоначальник.

— Только не этот вид, — пояснил слуга. — В его теле содержится магия, пусть и не сильная. Обладает лечебными свойствами. Оздоровливает тело при частом употреблении, продлевает жизнь лет на пять. Спрос, разумеется, невероятный.

— Начинаю понимать, — кивнул Эдгар, — но почему я не вижу его на своей тарелке ежедневно?

— Гильдия рыболовов. Монополия. Ловят сетями ниже по течению, а нам — только удочки и лишь для своих.

— Это у них такое к нам предложение?

— Увы, это закон, подтверждённый магами, — ответил дворецкий. — Гильдия отдаёт им сорок процентов улова бесплатно, и те держат запреты на ловлю сетями для нас в силе.

Мэр нахмурился. Амелия наконец заговорила:

— Эдгар, послушай меня, прошу тебя. Ты же знаешь: если гильдия узнает, что мы собираемся конкурировать, нас с потрохами съедят.

Но муж уже не слушал. Он смотрел на последний кусок рыбы в своей тарелке, и его пальцы снова застучали. Он отодвинул нетронутый картофельный гарнир и встал — решительный, будто собирался спасти мир.

— Обед был замечательный. Но, кажется, я придумал, как сделать его ещё лучше, — сказал он. — В нашем городе открывается новое дело. Пора выходить из нищеты, согласны?

Сенра взглянула на мать, и та едва заметно развела руками: жест означал «твой отец опять затевает что-то сомнительное». Мэр вышел из столовой, не посмотрев ни на жену, ни на дочь. В коридоре остановился, снова бросив взгляд в окно.

— Удочки... Только удочки. Кто бы мог подумать, что на-

ша река — не вода, а целая золотая жила. Нужно будет найти побольше удочников, — пробормотал он и улыбнулся той улыбкой, от которой у его помощника обычно начинала дергаться щека.

Войдя в кабинет с папкой под мышкой, Сайлас застал мэра у окна. Эдгар глядел на реку, выстукивая по подоконнику знакомый ритм.

— Сайлас, ты у нас человек с цифрами на уме. Скажи, если я предъявлю тебе... как его... эфирного окуня, сколько ты готов заплатить? — произнёс он, не оборачиваясь.

Помощник замер, так и не дойдя до стола. Вопрос был неожиданным.

— Стандартная цена пять золотых, можно торговаться, но таких денег нет ни у меня, ни у рафинерии. Это деликатес для богатеев, — ответил он, хотя точной цены не знал, но уже понял: это не вопрос, а начало.

Мэр наконец обернулся, и в его глазах горел всё тот же авантюрный блеск, от которого у Сайласа пробежал холодок по спине.

— Я хочу открыть элитный ресторан, — объявил Эдгар. — Прямо здесь, в Уэстенде. Будем подавать деликатесную рыбу, как в столице. Собственная ловушка для богатеев. Я сам пробовал — это не бизнес, а золотое дно.

Сайлас сжал папку крепче.

— Господин мэр, можно мне хотя бы договорить? — начал он, но тот уже не слушал.

Помощник вышел из кабинета, прижимая папку к груди, как щит, хотя щит из заверенных печатями документов был не слишком надёжен против мэра. В коридоре он столкнулся с Амелией. Она стояла у окна, глядя в сад; её шёлковое платье зашелестело, когда она обернулась.

— Сайлас, вы ведь всегда всё знаете раньше меня. Мой муж опять что-то затеял. Скажите, в этот раз он хотя бы спросил чужого мнения? — произнесла она с лёгкой улыбкой.

Он откашлялся и выпрямился.

— Госпожа Келл, боюсь, у меня для вас новости, и не самые простые. Ваш муж планирует открыть ресторан.

— Кажется, пока звучит не так плохо, — заметила Амелия.

— Деликатесной рыбы. Идея — обслуживать клиентов самого высокого сословия по самому высокому разряду. В нашем городе подобного проекта не было ни разу. Я постараюсь, чтобы расходы не превратились в очередную чёрную дыру, но, как вы знаете... у него своё мнение на этот счёт.

Женщина кивнула, и её улыбка стала чуть теплее.

— Вы такой заботливый. Другая на моём месте уже давно бы вас заметила. Скажите честно — вы вообще думаете о женитьбе или работа для вас главная невеста?

Помощник заколебался. Он не любил обсуждать личную жизнь на службе и обычно пресекал подобные разговоры, считая их непрофессиональными. Но почему-то резкость в

адрес жены мэра давалась ему с трудом. Она ему нравилась, и он признавал это с сожалением.

— Надеюсь, когда-нибудь женюсь, — сказал он. — Но точно не сегодня.

Амелия тихо рассмеялась, и её голос стал серьёзнее.

— Знаете, я не знаю, как у вас с романтикой, но брак по расчёту — не так уж плохо. Любовь уходит, а расчёт остаётся. Я сама так вышла замуж и ни разу не пожалела.

Услышав такое, Сайлас взглянул на неё, не зная, что ответить.

— Брак... это ведь не контракт. Это целая жизнь. В таком деле нужно всё хорошо взвесить и обдумать.

Амелия посмотрела на него с лёгким сочувствием.

— Мой муж не боится ошибаться — и на мне женился, и в бизнес лезет. А вы как будто страшитесь даже шаг сделать. Может, пришло время рискнуть? Хотя бы раз.

Она положила руку на его рукав лёгким жестом, от которого у него перехватило дыхание.

— Подумайте. Но долго не думайте — жизнь не ждёт, — сказала она и пошла по коридору, оставив его стоять с папкой в руках и странным чувством в груди.

Постояв в пустом коридоре ещё несколько секунд, Сайлас глубоко вздохнул и направился выполнять поручение: нужно было начать организацию ресторанного бизнеса, выяснить, есть ли здания, которые можно переделать под заведение и подобие гостиницы. Он отдал начальные распоряжения, со-

брал кое-какую информацию и двинулся обратно. По дороге поймал себя на мысли, что впервые за долгое время думает не о работе. Покачал головой и постучал в дверь.

— Входите, не задерживайтесь — у нас тут бизнес на пять золотых за рыбину висит, — отозвался мэр.

Войдя, Сайлас прижал папку к груди и почувствовал, что его щёки всё ещё горят после разговора с Амелией — словно он не беседовал, а бегал по коридору.

— Господин мэр, я понимаю, что вы воодушевлены, и не хочу показаться занудой, но... Прежде чем открывать ресторан, давайте проверим, есть ли в реке ещё хоть одна такая рыба. Пока что это лишь удача, а не бизнес, — начал он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Мэр нахмурился.

— Ты вечно мне возражаешь. Я пробовал её, я знаю, что это такое. Она лежала на моей тарелке, причём тут удача? Или ты мне не веришь? Дело проверенное — я сам ел эту рыбу.

Сайлас продолжил, не сдаваясь.

— Но, господин мэр, посмотрите правде в глаза: роскошный ресторан — это кредиты, аренда, строительство. Город ещё не оправился от прошлого... Придётся брать заём, а мы и так под давлением.

Не слушая возражений, Эдгар махнул рукой.

— Оно того стоит. Ты не видишь потенциала, а я вижу. Удочки, река, свежая рыба — это наше преимущество. Я не

собираюсь упускать такой шанс.

Помощник спросил, чувствуя, как голос его становится всё тише:

— А как же гильдия рыболовов? Это, пожалуй, самый неприятный вопрос. Они ведь для того и добились запрета сетей, чтобы никому не дать конкурировать. Если нас засудят, будет не до рыбы.

Мэр усмехнулся.

— Удочки — законно. Гильдия не сможет нам ничего предъявить. И я уже договорился с дворецким — поставки будут.

Он подошёл к окну и взглянул на реку. Сайлас перевёл взгляд с градоначальника на папку в своих руках, потом снова на него.

— Я обязан вас предупредить, — сказал он тихо. — Мы не знаем ни запасов рыбы, ни настоящей цены этого ресторана, ни реакции гильдии. Это риск, и вы это знаете.

Мэр обернулся, в его глазах снова зажглось упрямство.

— Ты вечно меня отговариваешь. А я уже попробовал и знаю, что оно того стоит. Секрет успеха — больше попыток. Пока одни работают над одной годами, я делаю десяток за месяц. Да, кое-что проваливается, но и успехи бывают. Так я и стал мэром.

В конце концов Сайлас закрыл папку и кивнул.

— Как скажете. Я прослежу, чтобы расходы не превратились в катастрофу. Но предупреждаю — если что-то пойдёт

не так, я буду первым, кто скажет «я же говорил».

Эдгар улыбнулся и хлопнул его по плечу.

— Вот за это я тебя и ценю. Ты всегда осторожничаешь, но в итоге всё получается.

Помощник вышел из кабинета с тяжёлым чувством, что всё получится совсем не так, как хочет мэр.

Через неделю ресторан «Речные деликатесы» распахнул двери. Но это не было народным гулянием: мэр лично разослал приглашения самым богатым купцам, землевладельцам, магам из окрестных городов и паре столичных гостей, проезжавших через Уэстенд. На крыльце стоял вышколенный дворецкий в новом камзоле, сверяя имена с позолоченным списком, рядом — Эдгар Келл, сияющий в одеянии, сшитом женой специально для этого вечера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.